

Николай Стрижов

ОСЕНЬ

фантастическая повесть

Николай Иванович Стрижов

Осень. Фантастическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617402

ISBN 9785448330971

Аннотация

Книга о людях, выборе. О том, кто мы на самом деле, когда жизнь ставит перед нами задачи, которые, как нам казалось, мы не можем выполнить. О том, как в экстремальных ситуациях меняется человек, по сути оставаясь прежним.

Содержание

Александр Сергеевич	5
Прибытие	92
17 Дней	144
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Осень
Фантастическая повесть
Николай Иванович
Стрижов

© Николай Иванович Стрижов, 2016

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3097-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Сергеевич

Утро. Будильник звонил уже раза три или четыре, и наверно, уже было что-то около восьми, но вставать не хотелось. Конечно, потом придется быстро умываться и нестись на работу, а про завтрак вообще можно уже забыть. Опаздывать нельзя. В прошлом месяце человек пять с конвейера уволили. Двух – за опоздания, а остальных – не знаю еще, за что. Ну, тут было бы желание, а за что, найдется. Один, правда, что-то вынести хотел, ну его на проходной вычислили и там же уволили. Он им пытался объяснить про свою нелегкую жизнь, пока его увольняли, но они его и не слушали. Вон лбов в охрану понабрали под два метра, им не говорить – им в мегафон орать нужно, а так они не слышат ничего, здоровые.

Может, все-таки найти работу со свободным графиком, на которую можно иногда опоздать и отработать вечером? Работают же люди. Вон Костян программистом устроился. Ему в двенадцать утра не знаешь куда звонить – на работу или домой. Но где же ее такую найдешь, с хорошей зарплатой?

Хотя он, по-моему, неплохо зарабатывает. Видеокамеру себе купил. Классная штука. Да и одевается неплохо.

А может, ну ее, эту зарплату? Работать, не напрягаться. Да нет. Деньги, как ни посмотри, нужны. Хочется купить что-

нибудь такое. Машину, например. Хотя, что на эту зарплату купишь. Велосипед трехколесный со звонком. А если еще семья будет? Жену нужно содержать, ребенка. Можно жениться на богатой, да только где они? Что-то не особо я их и видел. Бабы сами все богатых мужиков ищут.

И родителям нужно еще подкинуть. У них опять зарплату задерживают. Мама, конечно, не скажет, что деньги нужны, но я-то и так вижу.

На улице по всем признакам была хорошая погода. Оттуда доносился радостный лай собак, обрывки разговоров спешащих по делам жильцов и особенно выделялся недовольный голос дворника.

– Да я ж им говорю, в бак кидай, в бак, а он, говорит, вываливается. Так ты нажми.

А он... Не, ну ты лянь, ну ты лянь. Еще один. А я говорю, в бак кидай... мать. Что ты его окучиваешь. Здорово, Петрович. Ты сари, что делают. Я им ща баки-то позакрываю.

Так. Сейчас Петрович будет машину заводить. Посмотреть, что ли, кто такой Петрович, и что у него за машина. Петрович каждое утро пытался завести свою машину. Чаще всего это ему не удавалось, и через пятнадцать-двадцать минут попыток он отправлялся на работу пешком. Иногда машина заводилась несколько раз подряд и сразу глохла, а иногда заводилась и глохла только в момент отъезда, и все попытки завести ее снова не приносили результата.

Починить машину ему в голову не приходило или просто

не было денег. И каждое утро он надеялся, что ночью приходил Санта Клаус, и уж сегодня она будет работать как часы. Но Санта Клаус все не шел и не шел, а Петрович все не терял и не терял надежды. Каждое утро в одно и то же время был слышен натужный звук стартера, скрип педали акселератора и иногда редкие попытки двигателя завестись. Сегодня машина так замерзла, что даже не делала никаких попыток завестись, как скалолаз, пролежавший всю ночь в снегу и обнаруженный наутро спасателями, уже не участвует в своем спасении, а как бы наблюдает со стороны. Спасут или не спасут? Не спасли. Петрович ушел пешком.

Каждое утро хочу посмотреть, кто это, и все время он уезжает или уходит, в основном уходит, раньше, чем я встаю. Ну вот, метро приехало. Теперь точно пора вставать. Это, конечно, не метро, но звук очень похож на звук открывающихся дверей в вагоне метро. Скорее не в метро, а наверно, в автобусе. Да, в автобусе, у которого дверь воздухом открывается. Это вторая загадка после Петровича. Вот уже года два как въехал этот сосед, так все это время почти каждый день (или каждый?) у него там что-то открывается или закрывается с таким звуком. Может, это будильник такой. А шумоизоляция плохая. Точнее, никакая. Ну, могло бы быть и хуже. Например, поселилась бы молодая пара. Или вообще приют бы какой-нибудь устроили. А так мужик вроде неплохой. Как его там зовут? Иван Васильевич? Нет. Так начальника моего зовут. В общем, неважно. Был я у него один раз. Слу-

чайно. Зашел стулья попросить. В день рождения. Наро-о-ду собралось. Неплохо мы тогда погуляли! Так вот, зашел я за стульями, поговорили с ним немного, он поздравил меня с днем рождения. В общем, мужик ничего. Вот только дома у него как-то... как не дома. Так всё ничего. Чистенько. Но холод в квартире, я вам скажу! Не май месяц, конечно, да и батареи у нас чуть теплые, но, если окна хорошо заклеить, жить можно. Я ему ничего не сказал – неудобно. Но он сам заметил и говорит: «Закаляюсь». Да и стула у него только два оказалось. Кстати, мы оба сломали. Стыдно, конечно. Я ему потом почти такие же купил, так что он и не заметил или сделал вид.

Так, я сегодня буду вставать или как?

Конвейер находился в полуподвальном помещении. Узкие окна пропускали мало света, к тому же их закрывали многочисленные трубы вентиляции, в несколько рядов проходившие под потолком. В целом помещение напоминало бункер времен войны. Не знаю, как на самом деле выглядел бункер, но представлял я его себе примерно так. Только потолок в бункере, наверно, пониже.

Два новых конвейера с люминесцентными светильниками на каждом рабочем месте, подставками из цветного пластика и перегородками из прозрачного плексигласа выглядели здесь как яркие игрушки.

За противоположным конвейером работа уже кипела.

По транспортеру из черной матовой резины двигались радиоплаты. Каждый впаивал свою деталь и возвращал плату на конвейер. Иногда, когда кто-то не успевал за общим ритмом, конвейер приходилось останавливать. Особенно часто его останавливали, когда на конвейере появлялся новенький. Сегодня, похоже, был именно такой случай.

Мастер нашей смены, Сергей, стоял в дальнем конце конвейера и что-то объяснял грузному человеку лет сорока-пятидесяти. Тот выглядел как провинившийся школьник у директора. Он стоял, низко опустив голову, и Сергею, для того чтобы показать на плате, куда нужно ставить его деталь, приходилось приседать, но «школьник» уже ушел в себя и только ниже опускал голову. Нужно, конечно, было разобраться с ним где-нибудь в другом месте, а не на глазах у всего конвейера. Мужика же тоже понять можно. Работал он начальником в каком-нибудь институте, сам своих подчиненных отчитывал, а теперь здесь. А куда таким деваться? Они же ничего не умеют. Хотя они-то так не думают. Работали двадцать лет – бумажки никому не нужны писали, и удивляются, что эти бумажки никому не нужны теперь. Всегда были нужны, а теперь нет.

– Женя, покажи Георгию Сергеевичу, как трансформатор запаивать, чтобы он не горел, – увидев меня, сказал мастер. «Школьник» стоял, понурился, и единственное, что не водил носком ботинка по полу. Вид у него был совершенно растерянный.

– И зайди ко мне через час.

– Хорошо.

Сергей повернулся и пошел своей знаменитой походкой в сторону склада, широко расставляя носки ботинок и выпятив живот вперед.

– Садитесь. Этот конвейер пока не работает, так что можете сесть на любое место.

– Меня зовут Женя, – обратился я к «школьнику».

– Георгий, – очнулся он и пожал протянутую руку. Рука у него была влажная студенистая. Как будто костей и мышц там не было вообще.

Георгий. Он бы еще сказал Гера. Как же его по отчеству? Неудобно как-то мужика пятидесятилетнего по имени называть.

– Евгений, а вы давно здесь работаете? – обратился он ко мне.

– Больше года. А вы первый день сегодня?

– Да. Как здесь вообще?

– Нормально. Мне нравится. Меня устраивает. Так что, вас на трансформаторы посадили?

– Нет. Я вот такие штучки паяю, – он засунул руку в карман халата и достал два трансформатора, но уже без ножек.

– А вы раньше когда-нибудь паяли? – поинтересовался я.

– Приходилось... Но редко... очень редко.

Ну, понятно. Мужик, когда на работу устраивался, сказал, наверно, что десять телевизоров своими руками спаял.

Его и посадили на трансформаторы. Что же с тобой делать? До трансформаторов ему еще далеко. Ему бы паять научиться. Скорее всего, его уволят в течение недели. Ладно, это уже не мое дело.

– Георгий, попробуйте вот эти провода припаять вот к этой колодке. Только берите побольше канифоли и старайтесь не жечь изоляцию.

– Да-да. А для чего это нужно?

Ну что мне ему еще лекцию читать?

– Это колодка распределения питания.

Георгий взял колодку. Осмотрел ее со всех сторон, поковырял ногтем лак, положил на стол, взял в руки паяльник и задумался.

Народ за конвейером зашевелился. Перекур. Каждый час пять минут – перекур. С этим строго. Если начальство увидит кого-нибудь отдыхающим в неположенное время – считай, что он уже не работает.

На улице перед входом стояла толпа. Пересказывали последние новости, рассказывали новые и старые анекдоты, традиционно обсуждали начальство и условия работы.

В дверях показался Витя. Оглядел толпу и направился ко мне.

– Ты слышал, что Думу собираются распустить? – начал он без всякого вступления. Витя был чуть старше меня и учился на вечернем в каком-то институте. А еще у него была жена и ребенок, который, наверно, и не знал, что у него

есть отец. Жена у Вити не работала – сидела с ребенком, потому что их родители, ни те ни другие, с ребенком сидеть не хотели. Денег, естественно, не хватало, и ему, кроме основной работы и института, приходилось еще подрабатывать. Я его спрашивал, что они с ребенком поторопились. Он сказал, что это был несчастный случай, но он не жалеет. При всех трудностях Витя не терял интереса к жизни. Политика последние две недели была его любимой темой.

– Ну и пусть распускают, – вмешался в разговор Матвей, стоявший к нам спиной и куривший свой любимый «Кэмел» без фильтра. – Хуже-то не будет. Не бывает.

– Будет, – со знанием дела сказал Витя. – Вот придут опять коммунисты, и будет.

Матвей посмотрел на свой бычок, плюнул на него, не попал и затушил об стену. Повернулся и, уже уходя, сказал:

– Да мне один хрен, кто там придет. Коммунисты, пофигисты.

Витя посмотрел вслед уходящему Матвею, хотел что-то ответить, но опять повернулся ко мне. Видно было, что желание продолжать разговор о политике у него пропало.

– У тебя сигарета есть? – спросил он.

– Ты же бросаешь.

Витя уже месяц старался бросить курить. Наверняка из экономии. Некоторых успехов он достиг. Хотя бы того, что сигареты свои он уже давно не покупал.

– Да на, держи. Но только так, постепенно, ты не бросишь.

– Брошу!

Он зажег сигарету, с наслаждением затянулся и, глядя куда-то вдаль, сказал:

– Есть все-таки радость в жизни. Слушай, у тебя денег до получки не будет?

– А сколько тебе нужно?

– Ну, штук сто.

– Сто есть. Подойди потом. Кошелек у меня в сумке.

– Спасибо. Я только до получки. На работе у меня всех разогнали и денег не заплатили. Суки.

– А где работал-то?

– Да окна в одном институте мыл.

– Ночью?

– Естественно ночью. Днем там люди работают. Да и ночью тоже работают некоторые. Ты знаешь, мужик там один постоянно по ночам сидит. Я его спросил, почему он ночью работает. Так вот, он мне рассказал, что он поля какие-то исследует. Но я не физик, ничего не понял, но он сказал, что аппаратура у него очень чувствительная и днем нельзя – помехи большие и, что самое главное, самые большие помехи утром в восемь и ночью в двенадцать.

– Ну и что?

– А то, что он там какие-то частицы регистрирует, то ли протеины, то ли нейтрины, так вот таких больших помех просто быть не может, что эти частицы одну в сто лет зарегистрировать можно, а тут просто каждый день.

– Сломалось у него там что-то, наверно, и всё, – сказал я.

– Так вот и он думал, что сломалось, только не может так каждый день в одно и то же время ломаться.

– Ну, значит ты знаком с будущим нобелевским лауреатом.

– Может быть. Только он сказал, что на земле эти частицы генерировать никто не умеет, – почти шепотом произнес Витя и уставился на меня широко открытыми глазами.

– Ну ладно, Кулибин. Пошли сортир чистить.

– Чего? – искренне удивился он.

– Да это я так. Пошли. Перерыв заканчивается.

Георгий сосредоточенно паял колодку. Похоже, что дело это его увлекло. Провод он еще не припаял, но успехи уже были видны. Может, еще и научится. Так. Нужно Вите деньги занести и к Сергею зайти. Интересно, что он от меня хотел?

Сергей разговаривал по телефону. Когда я вошел, он обернулся и сделал неопределенный жест рукой, который скорее можно было понять, как «постой здесь, я сейчас».

Я прислонился к косяку и стал изучать обстановку в комнате. Комната была небольшая. Посередине стоял старый самодельный грубо сколоченный стол-верстак, на котором беспорядочно валялись обрезки проводов, мотки изоляции, старые полуразобранные приборы, папки со схемами и много чего еще. Вдоль стены стояло четыре железных шкафа

с множеством ящичков, в которых хранилось огромное количество радиодеталей. Находились там и достаточно редкие, достать которые было делом непростым. Многие посягали на эту комнату, но немногим удавалось, так как шкафы закрывались, а ключ носил с собой мастер. Я был одним из тех, кому удалось. С тех пор за шкафами стали следить строже, сейчас они все были закрыты, а ключи в связке лежали перед Сергеем. Он, видно, уже не надеялся быстро закончить разговор и сейчас просто закрыл трубку рукой и показал кивком на коробку на столе.

– Женя, отвези, пожалуйста. Там адрес на крышке. Обратно можешь не приезжать.

Из трубки все это время был слышен срывающийся на крик женский голос. Я взял коробку и вышел. На крышке коробки был адрес, куда ее нужно было отвезти. Адрес оказался знакомым – не доезжая одной остановки на метро до моего дома! Вот это подарок! В пятницу приехать домой уже в половине двенадцатого.

Так часто бывает. Собираешься на работу, а сам представляешь себе, что бы ты сделал, если бы сегодня можно было на работу не ходить. Возникает огромное количество мыслей о том, чем можно заняться. Например, можно начать учить английский язык или опять сделать генеральную уборку в квартире.

Сегодня вот утром хотелось дочитать книгу, которую чи-

тал уже полгода. И вроде ничего особенного – про жизнь, а интересно, и в то же время в метро или там, в транспорте она не читается. Не тот кайф. И вот время без пятнадцати двенадцать, я совершенно свободен, и настроения чего-либо делать уже нет.

На улице легкий морозец и совершенно нет ветра. В такую погоду хорошо прогуляться в лесу. Подышать свежим воздухом, поскрипеть по свежему снегу. До леса, конечно, я вряд ли дойду, а вот пройти одну остановку до дома вполне можно. Может быть, правда, взять лыжи – и в лес? Нет. Пока я дойду до дома, желание пойти в лес точно пройдет.

Около моего подъезда стояла «скорая помощь». Задняя дверь была открыта, и я заметил, что носилок внутри нет. От этого салон выглядел особенно неуютно. И сама машина приобрела зловещий вид.

Поднимаясь по лестнице и проходя мимо дверей, я невольно прислушивался, пытаюсь угадать, к кому приехала «скорая». На пятом этаже дверь моей соседки Елены Петровны была открыта. Не открыта, а сломана. Она висела на одной петле. Порог в квартире был обильно посыпан древесными опилками и штукатуркой. Наверно, сначала пытались открыть замок, а потом просто сломали дверь. Я встал напротив, не решаясь войти внутрь. Как же так. Такая приятная женщина. Да и не очень старая. Лет шестьдесят ей было. А ко мне она вообще как к сыну относилась. Как сделает пирожки, так обязательно принесет. Я иногда даже, прохо-

дя мимо ее квартиры и чувствуя запах пирогов, старался погромче дверью хлопнуть, чтобы она услышала, что я домой пришел. Не успею я раздеться, а она уже в дверь звонит – принесла что-нибудь.

Раздумывая, я не заметил, как из комнаты в проеме двери появилась двухметровая тень с сигаретой в зубах и топором в руке.

Я невольно сделал шаг назад. Мозг за несколько секунд вспомнил всё из просмотренных ранее фильмов ужасов, выбрал наиболее страшные картины и составил из них одну. Тень достала изо рта сигарету и, поманив пальцем, сказала: – Парень, ну-ка иди сюда.

Я сделал еще шаг назад и уперся спиной в стену. Тень вышла из коридора на лестничную площадку. Ей оказался бомжовского вида мужчина лет пятидесяти, с большим шершавым красным носом и паклей вместо волос. Часть волос или пакли торчала у него из кармана. Он едва доставал мне до плеча и поэтому, подойдя ко мне вплотную, запрокинул голову назад, чтобы что-то сказать, но не рассчитал и то ли от резкого движения головой, то ли от того, что он неуверенно стоял на ногах, задом ушел обратно в квартиру. Появился он через минуту. Но на площадку не пошел, а привалился к косяку и шумно, со стоном вздохнул.

– Носилки помоги, – сказал он.

Вид у меня, наверно, был наиглупейший. Я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Вроде по-

могло.

– Бабка ногу сломала ёть. Так ёть дверь ломали ёть. О! – продолжил он.

Жива. А я-то уж подумал. Я прошел мимо слесаря и вошел в квартиру.

В комнате, на полу, тихо постанывая, лежала Елена Петровна, а вокруг нее суетились двое – мужчина и женщина в белом халате. Они пытались подсунуть под нее носилки. Увидев меня, врач, симпатичная, совсем молоденькая девочка, поднялась с пола и, сделав как можно более серьезное и строгое лицо, спросила:

– Вы сын?

Ответить я не успел. Не то что не успел, а слишком долго соображал, что бы такое ответить. Просто сказать «нет» казалось мне как-то слишком прозаично, а хотелось сразу произвести на доктора впечатление. Но что можно ответить на вопрос: «Вы сын?». В голове крутилось что-то типа: «Я дочь. Сестра. Отец». Пока я соображал, меня заметила Елена Петровна.

– Нет. Это не сын. Это сосед. Здравствуй, Женечка.

– Здравствуйте.

– А я вот лампочку... и упала. Телефон по шнуру дотянула, а к двери не смогла.

Было видно, что ей очень больно. Лицо у нее было бледное. Даже не бледное, а абсолютно белое.

– Вы укол-то сделайте человеку, – обратился я к врачу.

Ее серьезное выражение сразу сменила какая-то детская растерянность.

– Уже сделали, – сказала она и, немного помолчав, добавила: – Нам нельзя сейчас очень сильные препараты с собой возить. В больнице всё сделают. Помогите ее на носилки положить и вниз отнести. Слесарь пьяный. Я боюсь, он уронит. И в больницу если вы сможете с нами поехать, было бы очень хорошо. Там тоже помощь понадобится.

Я был не против проехаться с симпатичным доктором до больницы и, может быть, даже познакомиться с ней.

Носилки были все грязные, и мы положили сначала на них одеяло. Елена Петровна просила одеяло оставить – потеряется, но потом ее внимание переключилось на квартиру: как же все открыто будет? Она с надеждой посмотрела на меня. Но мне очень хотелось поехать с врачом в больницу. Нужно найти кого-нибудь, кто посидит в квартире, пока не придет сын Елены Петровны, подумал я и решил подключить к этому делу своего соседа. Звонил долго. Даже когда уже стало ясно, что его нет дома, я все равно на всякий случай позвонил еще и подождал. Никто так и не открыл.

Пока мы несли Елену Петровну вниз, она стала еще бледнее, чем была, и ее вырвало. Она, как бы извиняясь, сказала, что это из-за лекарства. Но было видно, что держится она из последних сил. Пока мы ставили носилки в машину, начали подтягиваться бабульки из окрестных подъездов. Их комментарии перемежались рассказами один другого ужаснее.

Водитель со знанием дела прикрикнул на них, и они нехотя кучкой переместились на безопасное расстояние.

Я стоял и долго смотрел вслед уезжающей «скорой помощи», а на душе было как-то тоскливо. То ли из-за Елены Петровны, то ли из-за того, что врач уехала, и вряд ли мы когда-то увидимся. С таким настроением я побрел наверх.

Сидеть одному в чужой квартире, наверно, одно из самых скучных занятий. Ни на диване полежать, ни телевизор включить, ни пожрать. Сначала я читал. Потом ходил по квартире, потом смотрел в окно, потом просто сидел и, уставившись в потолок, думал о том, что это ужасная несправедливость – один раз в жизни пришел рано с работы и теперь сиди здесь целый день. А сын ее скоро не приедет. Неет. Сначала он в больницу поедет, потом уже сюда. А вдруг он вообще сегодня не приедет, что мне, и субботу сидеть? Когда мысли стали совершенно невыносимыми, я решил посмотреть телевизор, но оказалось, что он не работает. Это меня даже несколько обрадовало, так как появилось занятие. Не то чтобы я хорошо разбирался в телевизорах, но иногда что-нибудь пошевелишь, подпаяешь, а уж паять-то я умею, и глядишь, заработало. Я пошел к себе за паяльником и в коридоре столкнулся с соседом, который выходил из своей квартиры. «Вот гад! – подумал я. – Дома был и не открыл».

– Здравствуйте, Женя, – сказал он. Его лицо была сама невинность. Я никак не отреагировал на его приветствие и,

стоя к нему спиной, пытался достать из кармана джинсов ключи, но они, как назло, за что-то зацепились. Его это несколько не смутило и, очевидно, имея в виду дверь нашей соседки, он спросил:

– А что это такое?

«Ну, ты скажи еще, что не слышал ничего», – подумал я, а сам сказал:

– Это Елена Петровна ногу сломала.

– Об дверь? – спросил он.

Я даже повернулся. Издевается. Я подошел к нему вплотную и, смотря прямо в глаза, сказал:

– А я вам звонил два часа назад, хотел в больнице с ней побыть, а квартиру не с кем было оставить.

– Извините. Я отсутствовал с утра. А давайте я сейчас посижу, а вы поедете в больницу.

Такого поворота я не ожидал.

– Нет, спасибо. К ней, наверно, уже сын приехал, – сказал я, несколько смягчаясь.

– Давайте я все равно вместо вас посижу. Вы же, наверно, уже устали.

Я даже не знал, как на такое предложение реагировать. Можно и дальше обижаться, но вдруг он тоже обидится и уйдет, а я так и буду сидеть целый день квартиру сторожить.

– А вы не уходите?

– Нет. Я вполне могу остаться. – Он кивнул.

Я полностью оттаял и даже уже начал проникаться к нему

чувством симпатии.

– Спасибо большое! – поблагодарил я его. – Я тогда пойду поем?

– Конечно, конечно, Женя, идите.

Я сидел ел, и меня не покидала мысль: если сосед нагло врал, что его не было, то зачем потом предлагать остаться? А поверить, что его не было, сложно. Как же он тогда не заметил сломанную дверь, когда возвращался? Да и не проходил он. Я бы услышал. Может быть, он спал? Я звонил раз десять. Да и потом он же сам сказал, что его не было.

Ничего не понимаю. Да какая разница, подумал я, в конце концов.

Я стоял у окна и смотрел на улицу. Ничего интересного там не было. Кружил легкий снежок. На березу перед окном прилетел снегирь. Покрутил головой, клюнул несколько раз ветку и перелетел на мой подоконник, прошелся вдоль окна и, повернув голову в мою сторону, замер. Ну, что уставился? Жрать, наверно, хочешь? Я открыл форточку и покрошил на подоконник хлеб. Снегирь наблюдал за мной то одним, то другим глазом. Но поесть ему не дали. На подоконник прилетели голуби. Они сразу устроили драку: толкались, размахивали сизыми крыльями так, что весь хлеб с подоконника ссыпался вниз, а снегирь по-прежнему сидел и смотрел на меня. Да, брат, не повезло тебе, подумал я.

Я ходил по квартире и искал чем бы заняться. Дел-то, собственно, было полно, вот только делать ничего не хотелось.

Почти целый день свободный. Нужно пользоваться моментом и отдыхать. А как отдыхать? А отдыхать – это ничего не делать. Я лег на диван и включил телевизор. Ничего интересного там не было. В каком-то городе кто-то объявил голодовку, в другом, наоборот, кто-то обожрался и лежит в больнице, в которой уже неделю нет света и не кормят больных. По другой программе сериал, как и по большинству других каналов.

Я попытался заснуть. Не спалось. Вот бы мне так утром не спалось!

Да, отдыхать не получается. Я вдруг вспомнил про своего соседа. Почти два часа прошло. Наверно, сын Елены Петровны уже приехал.

Я вышел на лестничную площадку. Дверь так же висела на одной петле. Честно говоря, я думал, что за два часа сосед устал ждать и уже ушел. Я даже подумал о том, как встречу его как-нибудь на лестничной площадке и, презрительно посмотрев, пройду не поздоровавшись. Бывает иногда такое настроение, когда хочется на кого-нибудь обидеться. Тут главное придумать на что. Можно даже за то, что погода плохая.

Сосед сидел в комнате на диване и, похоже, не сразу заметил мое присутствие. Я собирался чем-нибудь пошуметь или кашлянуть, но он вдруг, не поворачиваясь ко мне, сказал: – А я уже думал, Женя, что вы не придете. Пока я соображал, что он этим хочет сказать, а самое глав-

ное, лихорадочно вспоминая, как его зовут, он продолжал:

– Вы не подумайте только, что я хочу попросить вас посидеть вместо меня. Вы сами-то не торопитесь?

– Да нет, – ответил я. – У меня сегодня выходной.

– Вот и хорошо, – оживился он. – А меня, кстати, можете называть Александром Сергеевичем. Можно просто Александром, но вы же не будете меня так звать?

Он встал с дивана и прошелся по комнате. Он был высокого роста, наверно, даже выше меня, и плотного телосложения. Одет в серый свитер и темно-синие джинсы. Что называется, просто, но со вкусом. Правильные черты лица, высокий лоб, густые, немного вьющиеся волосы. Такие мужчины должны нравиться женщинам.

– Женя, вы не знаете, где находится больница, в которую повезли Елену Петровну? Это же где-то рядом? – неожиданно поинтересовался он.

– Да, это рядом.

– Вы не собираетесь ее навестить? Может быть, сходим вместе? Я думаю, ей будет приятно. Она, по-моему, к вам как к сыну относится, а мне ей нужно одно лекарство отнести.

К такому вопросу я был не готов и вместо ответа промывчал что-то нечленораздельное, кивая головой и думая про себя, что дернуло меня прийти сюда? Сидел бы себе дома. А теперь отказаться как-то неудобно. А что, собственно, неудобно. Кто он такой, что мне отказываться неудобно? Я что, в Армию Спасения записался? Когда я уже открыл рот,

чтобы сказать, что я вдруг вспомнил, что занят на этой неделе, он заметил мое колебание и спросил:

– Я вижу, вы не хотите идти? Нет, я не настаиваю, просто подумал, что человеку приятно будет.

Я опять не был готов к такому вопросу и поэтому вместо того, чтобы сказать, что я занят, я начал оправдываться и лепетать что-то о том, что ко мне должны приехать родственники, что я их не видел 10 лет, что им некуда ехать и что-то еще. В общем, полную ахинею. Он выслушал все это внимательно и, что больше всего раздражало, так это то, что он, то ли действительно верил, то ли просто видел меня насквозь.

– Родственников, конечно, встретить нужно. Вы не волнуйтесь. Я сам к ней схожу и передам привет от вас. Ей будет приятно. Тем более что сын вряд ли часто ходить к ней будет.

– А почему вы думаете, что он ходить не будет? – поинтересовался я, с облегчением переводя разговор на другую тему.

– А вы часто его здесь видели?

Я задумался. И действительно, за все время сына Елены Сергеевны я видел только два или три раза. И даже вспомнил, что как-то, собираясь на работу, стоял около двери и слышал, как он ей говорил, что у него уже своя жизнь и что он сам уже знает, с кем ему нужно встречаться, а с кем нет. Я даже проникся тогда к нему некоторой симпатией. Знакомая проблема.

– Ну, может быть, он занят? – ответил я. – Нельзя же постоянно с родителями жить.

– Да, это точно, – согласился Александр Сергеевич. – Я помню, как сам в детстве хотел от родителей уехать. Не то что они меня контролировали, но взрослым начинаешь себя чувствовать, только когда начинаешь жить один. И вот получил отдельную квартиру и в первый же день залил соседей, – Александр Сергеевич усмехнулся. – Поужинал, поставил в раковину посуду, включил воду и думаю, пусть немного польется, помое посуду, а я поиграю в волейбол во дворе. Играю и слышу, соседи кричат: «Нас заливают!» Я думаю, вот люди, с водой обращаться не умеют, и играю дальше. Тут другие соседи кричат – у кого воду прорвало. Я дальше играю....

Меня потянуло в сон и, продолжая слушать Александра Сергеевича, я умно кивал головой, стараясь не зевнуть. Он еще что-то говорил, но я уже не слушал его, а думал, что, может быть, и стоит сходить к Елене Петровне. Вдруг я там встречу сегодняшнего доктора. А было бы неплохо. И я начал представлять, как я вхожу в больницу и сталкиваюсь с доктором в дверях. Она меня узнает и улыбается. Нет, не так. Я прихожу к Елене Петровне, а она делает ей укол. И Елена Петровна говорит... Тут я проснулся.

Александр Сергеевич сидел за столом с каким-то молодым человеком и что-то записывал. Он увидел, что я проснулся, и, обращаясь к молодому человеку за столом,

сделал жест рукой в мою сторону.

– А вот и второй дневальный проснулся. Женя, познакомься. Это сын Елены Петровны, Вадим.

Сделал он это так просто, с юмором, что я сразу перестал чувствовать себя неловко. Интересно, сколько я проспал? Это он мне что-то говорит, а я сплю?

– Извините. Я, кажется, заснул, – пробормотал я.

– Не кажется, а заснул и еще как. – Он посмотрел на часы. – На сорок минут заснул.

Это вы меня извините. Человек с работы, а я ему сказки рассказываю.

Я поднялся с дивана и протянул руку Вадиму, который все это время с интересом, сдерживая улыбку, наблюдал за мной. Вадим оказался приятным молодым человеком, по виду моего возраста, или, может быть, чуть старше. Он сразу вызвал у меня симпатию. Не знаю уж, почему он к своей матери нечасто приезжает. Меня это не волнует. Вадим поблагодарил нас за то, что мы не бросили квартиру и предложил выпить чайку.

Мы сидели на кухне и курили. Было видно, что Вадим сильно переживает из-за Елены Петровны, и сначала он вел себя немного неестественно. Он то вдруг погружался в свои мысли, которые отражались на его лице то ли болью, то ли досадой, то смеялся слишком громко и невпопад.

Кроме чая в шкафу обнаружилась бутылка «Агдама» (большая по нашим временам редкость, как, впрочем,

и любой алкогольный напиток), и под «Агдам» мы быстро нашли общий язык.

Оказалось, что Вадим старше меня на два года и что он окончил Плехановский институт и сейчас работает в каком-то СП. По работе он часто ездит в командировки и объездил уже половину Европы. Я ему откровенно завидовал. Сидишь здесь и не знаешь, как там живут люди. Как люди живут, не знаешь.

Он говорил о том, что за границей совершенно другая жизнь. А я даже не представлял себе, что она настолько отличается. Я, конечно, знал из кино, из книг, что жизнь там другая. Но одно дело кино, другое дело слушать человека, который все это видел.

И он знал, что нужно рассказывать. Он говорил о том, что продается в магазинах, какие продукты, описывал вкус незнакомых блюд в ресторанах, как их готовят и подают, сколько это стоит и в какие рестораны лучше ходить, рассказывал о том, как отдыхал в Диснейленде и какие там аттракционы. Он описывал их так, что у меня захватывало дух, как только я представлял себе, что может ощущать на них человек. Брр. Я высоты-то боюсь, а так чтобы самому прыгнуть с вышки, привязанный резинкой за ноги... Нееет. Это меня нужно сначала застрелить.

Он рассказал про Амстердам и про улицу красных фонарей, о том, как гулял по ней полночи и потерялся и не мог до утра найти свою гостиницу.

Разошлись мы от Вадима поздно. Вот действительно, не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Пятница удалась. Я был переполнен новыми впечатлениями и эмоциями от его рассказа, так что потом всю ночь мне снилось, как я гуляю по улице красных фонарей в Амстердаме с врачом «скорой помощи». И сон был настолько реалистичный, что, проснувшись ночью, я даже не сразу сообразил, где я нахожусь.

На следующее утро я проснулся в прекрасном настроении. Провалился в постели до двенадцати часов, переключая программы телевизора. Что ни говори, а телевизор с дистанционным управлением – это вещь! Как раньше люди без него обходились?

Подняться меня заставил звонок в дверь. Я сначала даже подумал, что это Елена Петровна, но по пути к двери вспомнил, что она в больнице.

Это был сосед. Я, честно говоря, совершенно не ожидал его увидеть.

– Здравствуйте, Женя, – сказал он и протянул руку.

Я протиснулся мимо него на лестничную площадку, чтобы не здороваться через порог, но это его почему-то смутило. Он опустил руку и смотрел на меня с явным недоумением.

– Через порог не здороваются, – пояснил я.

– Почему?

Теперь уже я посмотрел на него с недоумением, но он был

совершенно серьезен. Похоже, что он об этом действительно никогда не слышал. До последнего момента я был совершенно уверен, что об этом знают все. Мне даже пришла в голову мысль, что это только я один об этом знаю, и все только делали до этого вид, что так и надо, а сами про себя думали «а парень-то со странностями» или что-то в этом роде.

– Как почему? Не здороваются через порог, – ответил я в надежде, что он скажет – ах да, действительно, я и забыл, но он и не думал ничего вспоминать.

– А почему не здороваются?

– Примета такая, – сказал я скорее вопросительно, чем утвердительно. Я уже не был уверен, что о ней знает еще кто-то, кроме меня.

– А-а-а. Здравствуйте, Женя, еще раз. – Он опять протянул руку. – Я вас хотел спросить. Я собираюсь пойти в больницу к Елене Петровне, вы не хотите сходить со мной, если вы, конечно, не заняты. Я думаю, ей будет приятно.

Я не знал, что сказать. Я, конечно, мог что-нибудь сочинить, как вчера про родственников или еще что-нибудь, но он, конечно, не поверит. Да и никто не поверит, хотя есть и такие, которые действительно верят, но он не поверит по-другому, не так, как все. То есть это вроде как принято так, что ли. Люди говорят, что у них именно сегодня очень важные дела, а другой должен как бы поверить.

Но он по-настоящему не поверит. И даже не будет меня, наверно, осуждать. Да нет, точно не будет осуждать. Он меня

скорее пожалеет. А вот когда меня жалеют, я не люблю.

– Да, конечно. Я сейчас только оденусь.

– Хорошо. Тогда я буду ждать вас внизу. Я узнал часы посещения и адрес.

Он достал из кармана листочек бумаги, и некоторое время разглядывал его.

– Палата 312, корпус три, с двенадцати до пяти. Я вас буду ждать через десять минут внизу. Вам хватит десяти минут?

– Да, конечно, – почему-то ответил, я. И сам на себя разозлился. Десять минут на то, чтобы умыться, и позавтракать, и одеться, конечно, не хватит.

Через десять минут я стоял внизу злой, голодный и неумытый, а его не было.

Он появился, когда я уже собирался уходить. Он опоздал на две минуты, хотя мне показалось, что я ждал его не меньше часа и за это время уже передумал бог знает чего.

– Извините, что заставил вас ждать. Очередь в магазине.

«Да что у него, другого времени в магазин сходить не было», – подумал я и сказал:

– Да нет. Ничего.

Наши больницы всегда производили на меня угнетающее впечатление.

Запах лекарств, смешанный с запахом хлорки и кислых щей. Бредущие по коридорам больные в безразмерных, се-

рых, сотни раз перестиранных халатах, шаркающие больничными тапочками, все казались смертельно больными.

На третий этаж мы хотели подняться на лифте, но вдруг, когда мы уже садились, откуда-то появилась нянечка с криком:

– Куда? Лифт только для персонала!

Она вытолкала нас из кабины, ворча что-то себе под нос, зашла в лифт и уехала одна. Пришлось подниматься по лестнице.

Палата у Елены Петровны была трехместная. Одна кровать, аккуратно застеленная, с белоснежной подушкой, пустовала. На кровати слева от окна поверх одеяла лежала женщина, отвернувшись к стене, и читала книгу. Она даже не посмотрела на нас, когда мы вошли, и только незаметно кивнула.

Не раз крашенные синие стены требовали очередной покраски. В некоторых местах верхний слой краски стерся, обнажая предыдущий, светло-коричневый. В центре палаты на люстре покачивалась длинная липкая лента от мух. Над кроватью Елены Петровны висел репродуктор и что-то тихо бурчал, так что было непонятно, музыка там играет или говорит диктор.

Елена Петровна засуетилась.

– Женя, доставайте там в тумбочке у меня. Мне сын сегодня принес.

– Нет, нет спасибо, Елена Петровна. Мы сыты, – начал отказываться я, вспомнив, что я сегодня не завтракал и, наверно, вряд ли пообедаю.

– Мы сами вам гостинцев принесли, – сказал Александр Сергеевич, доставая из пакета апельсины и печенье.

Значит, он в магазин ходил, чтобы купить апельсины и печенье. А я даже не подумал, чтобы что-нибудь принести. Мне стало стыдно.

Мы сели около ее койки.

– Ну как вы себя чувствуете? – спросил Александр Сергеевич.

– Спасибо, уже лучше. Нога еще болит, но уже меньше.

– Не сказали, сколько вам здесь лежать?

– Говорят, месяц. Сегодня врач снимок мне показал. Я там все равно ничего не поняла. Месяц, наверно, пролежу, а там как получится. Здесь хорошо. Сегодня уже завтрак приносили. А дома я не знаю, как буду. Это надо с пятого этажа же спускаться. Я сегодня все лежала и думала, как буду дома в магазин ходить. И заживет ли вообще? У меня муж тоже ногу ломал. Так он рассказывал, что две недели в изоляторе лежал. Но это он еще молодой был. Быстро все срослось. Он потом даже не хромал. Это было, когда он в лагере сидел. Лес валили и там бревном ему как-то...

– За что он сидел? – поинтересовался Александр Сергеевич.

– Да кто же тогда знал. Донес, наверно, кто-то. Он семь лет

в лагере был. Рассказывал: утром в пять подъем, десять минут – подняться и в пять тридцать – уже на работу. В бараке пять градусов тепла, а на улице минус сорок. Говорил, что когда совсем тяжело было, хотел сам что-нибудь себе сломать, чтобы в изолятор попасть...

– И что, он сам себе сломал что-нибудь? – спросил я.

– Что? А, нет, не рассказывал. Он вообще мало что о лагере рассказывал.

– Как же можно так довести человека до того, чтобы он ногу себе захотел сломать? – возмутился Александр Сергеевич.

– Да, Саша, лагерь – это страшно. Он совсем другой из лагеря пришел. Но он говорил, что очень многое там понял.

– Да, это свойственно человеку – после пережитой трагедии убеждать себя, что это было на пользу. Как может пойти человеку на пользу то, что он живет в бараке, его регулярно избивают и ему нечего есть? Это никак не может пойти на пользу человеку.

– А что такое человек? – не поворачиваясь к нам, спросила женщина с соседней койки.

Мы все посмотрели в ее сторону, но она как ни в чем не бывало продолжала читать книгу.

– Человек – это живой организм. Никакому живому организму не пойдет на пользу, если его будут бить, ломать и не будут кормить.

Женщина ничего не ответила.

– Саша, вам хорошо было бы с ним поговорить, если бы он жив был, – сказала Елена Петровна. – Я не знаю, на пользу это ему пошло или нет, но мне иногда казалось, что он после лагеря стал намного старше. Я его не всегда понимала, но я чувствовала, что с ним мне ничего не страшно и всегда с ним советовалась. Мы хорошо жили... – По ее щеке потекла слеза. – А теперь я одна. – Она отвернулась к окну.

Мы сидели и молчали. Пока они разговаривали, я съел половину пачки печенья, которое принес Александр Сергеевич. Очень оно было вкусное. Я никогда не пробовал ничего подобного. Елена Петровна заметила, что печенье мне понравилось, и подвинула его поближе ко мне.

– Женя, ешьте. У меня и так всего полно.

– А его все жалели, когда он из лагеря пришел, – продолжила она. – Конечно, такая карьера была. На работу он долго устроиться не мог. Кто же будет брать человека, который сидел. Тогда строго с этим было. Все боялись. Это только потом его реабилитировали. А как пришел, тяжело было. Но он сам всех поддерживал. Он друзьям своим помогал. У него друг был Миша. Так его тоже посадить хотели. Все испугались, а он нет. Я уже сама ему говорила, что ты к нему ходишь, опять в лагерь захотел? А он улыбнулся только и ничего не сказал. Раньше он таким не был. Я сама его всегда успокаивала, и когда у нас забрали соседей, он очень волновался. Я помню, даже не спал по ночам, все прислушивался. А после лагеря пришел совсем другой человек...

– Ой, да что это я... – заволновалась Елена Петровна. – Вам идти нужно, а я все рассказываю. – Женя, возьмите печенье.

Я помотал головой, но, если честно, с удовольствием бы съел еще. А может быть, я просто был голодный. Конечно, не ел ничего целый день.

Когда мы уже уходили, Александр Сергеевич достал из кармана пластмассовый пузырек.

– Чуть не забыл, это вам витамины. Будете пить по одной таблетке в день.

– Зачем, Саша, меня и так здесь лечат. Это, наверно, дорого.

– Мне не нужно, – сказал Александр Сергеевич, прощаясь, – а вам будет полезно. И с соседкой своей поделитесь, – улыбнувшись, сказал он.

Мы расстались с Александром Сергеевичем перед подъездом. Он пошел домой, а я решил все-таки сходить прогуляться в лес. Но вместо того чтобы идти, я сел на лавочку перед домом.

Дул легкий морозный ветерок. В воздухе уже чувствовался неуловимый запах весны.

Я глубоко вздохнул. На душе стало легко, как бывает после того как сделаешь что-то хорошее. Я сидел и наслаждался этим ощущением. Вдруг вспомнил врача и подумал, хорошо бы встретить ее в больнице, узнать у нее телефон, а по-

том пригласить ее в кино. Или лучше в театр, погулять вечером по Москве, съездить куда-нибудь за город, сходить в лес и посидеть на берегу озера.

Я просидел на лавочке около часа, погрузившись в свои мечты, и сидел бы еще, но мои размышления прервали подростки, которые вылетели из подъезда, громко хлопнув дверью, и понеслись по улице в сторону леса. Я некоторое время смотрел им вслед – вот заняться нечем, подумал я. Хотя сам еще недавно так носился. Один раз мы вдвоем с Ильей надели противогазы и звонили по очереди в квартиры. Большинство, открыв дверь, очень пугались нашего вида, один раз дверь открыл здоровый мужик, который не испугался, а прямо в трусах побежал за нами. И мы вот так же вот вылетели из подъезда и бежали еще километр, пока поняли, что за нами больше никто не гонится. Я улыбнулся. Все еще думая о том, идти в лес или вернуться домой, я подошел к подъезду, открыл дверь, и на меня упала стена едкого черного дыма. Холодная струйка пробежала по позвоночнику. Пожар! Мной овладела паника. Что нужно делать? Вспомнился только эпизод из фильма, в котором бежит женщина, машет руками и кричит: «Пожар!!!».

На лестнице клубился едкий черный дым. Я заметался перед подъездом, открывая и снова закрывая дверь подъезда. Попытался пройти по лестнице, но сразу вернулся. Живым до пятого этажа я не дойду.

Перед глазами возникла жуткая картина бушующего пла-

мени в моей квартире: горят обои, книги (да фиг с ними), одежда, новые кроссовки. Особенно четко виделось, как горят деньги, скопленные непосильным трудом.

Я побежал на другую сторону дома посмотреть на окна своей квартиры. У меня в комнате всегда была открыта форточка, и я внимательно приглядывался, не валит ли из нее дым. Небольшой дымок вроде шел.

Я обратил внимание, что большинство жильцов нашего подъезда стояли на балконах или высунулись из окон по пояс. Над ними под потолком серыми облачками тянулся дым.

– Что горит? – крикнул я.

– На лестнице дым. Ничего не видно, – ответил сосед со второго этажа.

Я вернулся к подъезду. Уже подъехала пожарная машина, и несколько человек в брезентовых робах и белых касках разматывали шланги. Перед домом собралось несколько человек. Я подошел к кучке людей, которые стояли около пожарной машины. Они оживленно беседовали.

– Вы не знаете, в какой квартире пожар? – спросил я.

– Нет, сами думаем.

Один из мужчин повернулся и обратился к молодому человеку, который сидел на бордюре спиной к дому, рядом с ним стояло пустое помойное ведро. Мужчина был в банном халате и шлепанцах на босу ногу.

– Вась, спроси Ленку, в какой квартире пожар, может, она знает.

Тот только покачал многозначительно головой.

– Спроси хотя бы: выше или ниже нашего этажа? – настаивал сосед.

Мужчина сплюнул на тротуар и, не поворачиваясь к дому, крикнул:

– Люсь, в какой квартире пожар?

– Что?! – сразу ответила женщина в розовом халате с третьего этажа.

– В какой квартире пожар? – опять не поворачиваясь, но уже громче крикнул мужчина.

– Что ты говоришь? – опять послышался тот же голос.

Мужчина встал, снова сплюнул на тротуар и, повернувшись к дому, крикнул так, что все люди, смотревшие из окон, повернулись в его сторону.

– Ты что, оглохла что ли?

– Вась, у нас телевизор работает.

– Я говорю, где пожар?

– Что? А, не знаю, на лестнице дым. Я пошла посмотреть, открываю, а там дым, не видно ничего, я думаю, ты успел или нет выйти. Смотрю, минут десять уже как ты ушел. Думаю, может, уже обратно шел? Посмотрела в окно – тебя нет. Пошла к двери, там дым. А в квартире тоже дым. Мы на балкон. Я думаю, может быть, ты выйти не успел, я к двери, а там уже не пройдешь, – кричала женщина.

Вася снова сел на бордюр спиной к дому и не обращал на жену никакого внимания. Мимо прошла старушка из со-

седнего подъезда.

– Это дверь железная горела. Облили и подожгли. Ага, дверь горит.

Вот откуда старушки всегда первыми узнают, что случилось? Непонятно.

Старушка пошла дальше, сообщая всем о горящей двери. Группа мужчин оживилась.

– Это, наверно, предпринимателя с четвертого этажа подожгли, – предположил один из них.

– Да нет, этого убили две недели назад.

– Да как убили, я его вчера видел.

– Как ты его видел, если его две недели назад убили?..

Пожарные быстро закончили свое дело, залив все, что можно было залить в подъезде, и сворачивали шланги, из которых во все стороны текла вода, сразу замерзая и превращая участок перед подъездом в каток.

Подъехала со скрипом шин «Милиция» с такой скоростью, как будто здесь не дверь подожгли, а только что обнаружили часовой механизм с взрывным устройством, который должен был вот-вот сработать и разнести полрайона. Передние колеса уазика попали на лед, и машину лихо развернуло на сто восемьдесят градусов, и она становилась задом, уткнувшись в сугроб. Молодой лейтенант вышел из машины с видом, как будто он так и хотел припарковаться, но испуганные глаза его выдавали.

Лейтенант поговорил с одним из пожарных и подошел

к жильцам, которые стояли ближе к подъезду. Спрашивая их о чем-то, он хмурил брови, наверно, для солидности.

Из любопытства подтянулись и мы. Лейтенант спрашивал о семнадцатой квартире. Я вспомнил, что это квартира Елены Петровны. Оказалось, что горела дверь на четвертом этаже, в квартире под ней, и у нее опять выбили дверь, чтобы спуститься на балкон ниже и чтобы у нее самой ничего не загорелось. «Вот не везет людям! – подумал я. – Второй раз дверь выбивают. Утром только починил, а днем опять выбили».

– Кто-то знает соседей из семнадцатой квартиры? – спросил снова лейтенант, обводя глазами собравшихся у дома соседей.

– Я знаю, – поднял я руку.

Лейтенант записал в блокнот мое имя и фамилию и попросил связаться с жильцами. Он пообещал, что дверь поставят бесплатно. Если что попросил звонить ему и дал мне свою визитку.

Я пообещал лейтенанту, что все сделаю и пошел наверх.

В подъезде пахло гарью. По всей лестнице уже открыли окна, и свежий ветер гулял по этажам, унося остатки дыма.

На четвертом этаже потолок почернел, а железная дверь слева полностью обгорела. Не верилось, что только из-за двери могло быть столько дыма.

Дверь Елены Петровны аккуратно стояла у стены. Я зашел к себе. Запах в квартире чувствовался, но уже не сильно. От-

крыв все окна, пошел звонить соседу. У него должен быть телефон сына Елены Петровны. Открыл он только тогда, когда я уже собирался уходить.

– А, Женя! – удивился он.

– Здравствуйте еще раз, Александр Сергеевич. Вы не могли бы позвонить Вадиму, чтобы он приехал снова дверь починить.

– Женя, а что случилось? – Тут он посмотрел через мое плечо и увидел прислоненную к стене дверь.

– Что это? – кивнул он на дверь.

– Это чтобы в квартиру ниже спуститься выбили.

– Зачем? – удивился он.

– Да это внизу горело.

– Что горело?

– Пожар же. – Тут уже удивился я.

– Какой пожар? А да, пожар. Я думаю, что это дымом пахнет... Надо позвонить ее сыну.

– Да, я и хотел попросить, чтобы вы ему позвонили.

– А у меня его телефона нет, – ответил он. – Женя, давайте я посижу в квартире, а вы сходите в больницу и возьмите у Елены Петровны телефон Вадима. Только не говорите, что дверь опять сломали.

– Да, хорошо.

Но на самом деле ничего хорошего не было. Теперь придется снова идти в больницу, а хотелось уже поесть и посмотреть телевизор. Что я, нанялся, что ли, ходить туда-сюда?

Елена Петровна очень удивилась, когда увидела меня, наверно, подумав, что мы теперь будем приходить к ней каждые два часа.

Я сказал, что мы вчера договорились с Вадимом созвониться, а я потерял телефон. Она пыталась снова накормить меня печеньем, отдать витамины и все, что было у нее в тумбочке, но я отказался и быстро ушел, взяв телефон Вадима.

Когда я шел к ней в больницу, то снова думал о том, что хорошо было бы встретить ту медсестру со «скорой помощи». Не верилось, что она работает именно в этой больнице, но надежда оставалась, и я поднялся на верхний этаж и прошел до конца по коридору, спустился на этаж ниже и снова прошел по коридору, заглядывая в открытые палаты, процедурные кабинеты, вглядываясь в лица врачей и медсестер. Спустившись на первый этаж, я посидел минут десять на жестких дерматиновых креслах для посетителей, но никого так и не встретив, направился домой, жалея, что сразу не попросил у нее телефон, и задумался, как бы все-таки ее найти. Но что-то мне не давало сосредоточиться, и я все время терял мысль и перескакивал с одного на другое и стройной мечты не получалось. А думал я о своем соседе. Как он мог не знать о пожаре? А он не знал. Это потом он вид сделал. Сначала я подумал, что он уходил и вернулся после пожара, но сейчас вспомнил, что уйти он не мог. Я же сидел на лавочке около подъезда. В подъезд входили люди и выходили, но его я не видел. Может быть, я просто не заметил,

но тогда он сам бы подошел ко мне. Меня-то он не мог не заметить. А может быть, он торопился и просто прошел мимо? И поэтому он не знал, что был пожар. Но как он мог не заметить, что квартира на четвертом этаже сломана, если возвращался домой?.. И как он мог не почувствовать запах гари, если был дома? Люди специально выходили на балкон, потому что дышать было нечем. Может быть, у него дверь очень плотно закрывается? А вчера? Он же был дома, когда я ему звонил, чтобы он у Елены Петровны посидел, а не открыл. Почему? Вспомнилось, что он не знал о примете про то, что нельзя здороваться через порог! А почему он мог об этом не знать? Потому, что он жил в другой стране! Он шпион! А не открыл дверь он вчера потому, что принимал шифровку. А сегодня почему он не заметил пожар?.. Не знаю. Я решил перед тем как идти домой, отойти подальше и посмотреть на его окна. Был уже вечер и кое-где в доме горел свет. Окна соседа были темными. Они даже ничего не отражали. Может быть, мне показалось, но таких темных окон в доме больше не было. Наверно, он сидит у Елены Петровны. Я решил, что так все равно ничего не увидишь. Нужно взять бинокль и посмотреть вечером.

Когда я принес телефон Александру Сергеевичу, он оказался дома и у него горел свет. Войти он не предложил. Мы разговаривали в коридоре.

Я попытался получше разглядеть его квартиру. Квартира

как квартира. Светлые обои, на полу коричневый линолеум, в прихожей тумбочка с зеркалом. Обычно в коридоре тумбочка всегда завалена старыми газетами, или там лежат перчатки, зонтик или ключи. У него тумбочка была пустая. Даже на полках ничего не лежало. И еще я нигде не заметил вешалки с одеждой. Не было и обуви, даже тапочек. Он, похоже, заметил мой интерес.

– В квартире холостяка ничего лишнего, – сказал он улыбаясь.

Да это уже квартира не холостяка, а квартира тибетского монаха. Интересно, где он одежду хранит? Или у него из вещей только то, что на нем?

– Да, у меня то же самое.

– Значит, мы с вами коллеги. Я часто в командировки езжу. Привык обходиться малым. Женя, давайте я посторожу квартиру и позвоню Вадиму, а вы пока домой сходите.

Он говорил и медленно проходил вперед, выталкивая меня с порога, а мне хотелось, наоборот, войти как можно дальше в его квартиру. Мы немного потолкались в прихожей и, поняв, что пройти не удастся, я вышел на лестницу, соглашаясь поехать. Тем более что в желудке уже урчало.

Только дома я почувствовал усталость. Да-а, хорошо выходные проходят. За весь день не присел. В холодильнике нашлись только старые сосиски. Не было даже яиц. Собирался сходить сегодня в магазин, но с этими походами в больницу обо всем забыл.

Поставил воду и кинул туда сосиски. Пока они варились, я стоял и смотрел в окно. Уже совсем стемнело, и на улице были видны только освещенные окна соседнего дома и фонарь напротив. В свете фонаря кружились снежинки. Они падали поднимались вверх, застывали на месте и снова падали, как стая белых бабочек, слетевшихся на свет.

Вода в кастрюле выкипела, и сосиски начали жариться.

Я сидел с откушенной подгоревшей сосиской на вилке и думал. Я за всю свою жизнь столько не думал, как за прошедшие два дня. Это нужно прекращать. Кто мало знает, тот живет долго. «Что мне этот сосед? Ну, шпион и что? Что мы, шпионов, что ли, не видели? Что у нас брать? Какие секреты мы рассказать можем? Где бы найти людей, которые бы за наши секреты заплатили. Пусть шпионит, сколько хочет. Им же хуже. Только деньги потратят», – подумал я. А сам положил вилку с сосиской в кастрюлю, оделся, взял старый отцовский бинокль и вышел на улицу.

Окна Александра Сергеевича выходили в сторону подъезда. Я отошел от дома подальше и посмотрел вверх на по-прежнему темные окна соседа. Мне опять показалось, что два его окна чем-то отличаются от других. Может быть, они просто чистые? Разглядеть в квартире даже в бинокль ничего не удалось.

– Женя, привет! – раздался голос сзади.

Я испугался так, что вскрикнул и уронил бинокль. Это был Вадим. Он стоял и с удивлением смотрел на лежащий

в снегу бинокль.

– Что это ты делаешь? – спросил он и подмигнул.

– Да это, я на звезды, звезды...

Больше я ничего придумать не успел. Не рассказывать же ему, что у нас в доме шпион живет.

– А-а, – сказал Вадим и посмотрел на небо. Я тоже поднял голову. Небо покрывали темные снеговые тучи.

По дороге на пятый этаж я рассказал ему о пожаре. Мы решили, что сегодня вечером вряд ли он сможет договориться о том, чтобы отремонтировать дверь. Скорее всего, только завтра, и ему придется опять ночевать здесь.

Александр Сергеевич сидел в квартире Елены Петровны на диване и смотрел телевизор. Он обрадовался, увидев нас, потому что куда-то торопился, и сразу попрощавшись, ушел к себе. Я договорился с Вадимом, что вечером зайду и вышел на лестницу, но домой не пошел, а вернулся на улицу. Теперь, когда Александр Сергеевич дома, я надеялся рассмотреть его квартиру. Отошел подальше, огляделся, нет ли кого поблизости, и навел бинокль на его окна. Они были такими же темными, как и в первый раз. Значит, я не успел. Он куда-то торопился и, наверно, уже вышел из квартиры. Я спрятался за дерево и наблюдал оттуда за подъездом. Никто не выходил. Я простоял так минут пять. Никого не было. Я посмотрел снова на его окна. Они были темными, как и прежде. Да не мог же он уйти. Я вышел сразу за ним. Я даже слышал, как он хлопнул дверью. Может быть, он электри-

чество экономит? Или пошел в ванную. Я простоял на улице час, время от времени смотря на окна. Они оставались темными и за все время я так в них ничего и не увидел.

Стало совсем холодно, и я решил идти домой. Наверно, я все-таки его пропустил. Я поднялся на пятый этаж и на всякий случай позвонил в его квартиру. Я был уверен, что его нет дома. Но он открыл очень быстро.

– А, Женя! Вы что-то хотели. – Мне показалось, что он сказал это с некоторой досадой.

– А, я да, хотел, я хотел... Вадим сегодня здесь ночевать будет. Может быть, вы тоже вечером зайдете. Посидим, как вчера.

– Нет, спасибо, Женя, я сегодня не могу. Спасибо, до свидания. Хорошего вам вечера!

Он уже почти закрыл дверь, как я услышал голос Вадима, который вышел из квартиры.

– Александр Сергеевич! Я как раз хотел к вам зайти. Вы вечером сегодня не заняты? Заходите ко мне. Я вам привез книгу, о которой мы вчера говорили.

– Меня уже Женя приглашал к вам, – сказал он, – но, к сожалению, я сегодня не смогу. Давайте завтра днем.

Вадим покачал головой.

– Нет, завтра я надеюсь утром уехать. Два дня уже дома не был. Подождите, я сейчас книгу принесу и покажу то место.

Александр Сергеевич был похож на человека, который хо-

чет в туалет. Наверно, он собирался сказать, что торопится, но Вадим уже убежал к себе. Мне пришла в голову неожиданная мысль. Я попрощался с Александром Сергеевичем, сказав, что мне срочно нужно в магазин, и побежал вниз.

Только выйдя на улицу, я понял, что все это время стоял с биноклем в руках. Я направил бинокль на окна Александра Сергеевича, но они оставались по-прежнему темными. Тогда я побежал к подъезду и нашел такое место, где через окно на лестничной клетке мог видеть, как Вадим и Александр Сергеевич разговаривают и даже мог видеть свет в коридоре его квартиры. Я снова выбежал на улицу и посмотрел на окна. Они были темными. Я даже протер глаза и на всякий случай вытер vareжкой стекла бинокля. Посмотрел еще раз. Никаких изменений. Как такое может быть? Или это не его окна? Я снова побежал в подъезд, но на этот раз уже спрятал бинокль под куртку.

Они все еще разговаривали. Когда я проходил мимо, Александр Сергеевич, увидев меня, спросил:

– Женя, уже сходили в магазин?

Я сделал неопределенный жест рукой. А сам посмотрел, точно ли горит у него свет. Свет был. Он сказал что-то еще, но я уже его не слушал и буквально ворвался в свою квартиру. Не снимая ботинок и не раздеваясь, я прошел в комнату и сел на диван. В голове была пустота. Я посидел немного на диване. То, что я видел, не находило никакого объяснения. Может быть, у него окна непрозрачные? Это многое

объясняло. Вопрос в том, зачем человеку непрозрачные окна? Да мало ли. Наверно, я действительно слишком много стал думать. Пусть ставит любые окна, какие хочет. Нужно ложиться спать.

Я сходил к Вадиму и сказал, что сегодня не приду. Он попытался меня уговаривать, но, наверно, вид у меня был странный и он, посмотрев на меня, настаивать не стал.

Спалось на голодный желудок не очень хорошо. Снился сон: я видел мужа Елены Петровны. Я его никогда не видел, но знал, что это он. Я видел разных людей. Один был молодой, другой – старик с седыми волосами, третий – ребенок, четвертый – пожилой мужчина с бородой. Люди были совсем не похожи друг на друга, но я почему-то знал все время, что это один и тот же человек. Почему я это знал, я сам не понимал, но, когда я увидел этого же человека еще раз, я понял, что это уже не он. На этом я проснулся. Сон запомнился очень ярко. Я помнил все детали. От сна осталось ощущение какого-то важного открытия. Вот оно, рядом, но понять и осознать его не удавалось. Было ощущение, что я это уже знал и просто вспомнил, но понять, что это, никак не мог. Постепенно сон начал забываться, но заснуть я не смог до рассвета.

Я проснулся от того, что луч солнца бил прямо в глаза. Не нужно было даже подходить к окну, чтобы понять, что погода на улице хорошая. От этого хотелось вскочить с кро-

вати, сделать зарядку, открыть балкон, вдохнуть свежего морозного воздуха, обтереться снегом... Но я только повыше натянул одеяло. Вспомнилось стихотворение, которое недавно прочитал в Интернете:

Бывает, проснешься как птица!
Крылатой пружиной на взводе...
И хочется жить и трудиться...
Но к завтраку это проходит.

Кстати, о завтраке. Есть-то дома нечего. Нужно идти в магазин. Эта мысль немного расстроила. Я нехотя поднялся, оделся и вышел на улицу.

За ночь выпал снег. От этого улицы казались необычно светлыми и чистыми. От вида сверкающего в лучах солнца снега и легкого морозца настроение снова поднялось.

Подходя к булочной, я увидел выстраивающуюся около входа очередь. А это верный признак, что что-то скоро привезут. Как народ узнает об этом, для меня загадка. Первыми собираются старушки. У них на это нюх. Иногда они и сами не знают, что будут давать, но знают, что что-то будут. Очередь была уже большая. Как только я встал, подошедшие сзади люди прижали меня к впереди стоящим. Даже если полно места и еще ничего не дают, в очереди всегда тесно. Народ стоял, сутулясь, кутаясь в шубы и пальто, изредка покрикивая друг на друга

– Что толкаешься, морда! Куда тебе есть?! Ты посмотри на себя, – бубнила какая-то женщина впереди.

– На себя посмотри...

– Куда ты лезешь? Я тебе сейчас пихну, я тебе так пихну...

Я повернулся. Кричала маленькая сморщенная старушка на огромного двухметрового детину, который пытался влезть сбоку без очереди.

Народ зашевелился. Дышать стало тяжело, и вся толпа, как только открылась дверь, оказалась в булочной. Я кинулся в самую гущу. Досталось несколько булочек и два батона мягкого теплого хлеба. Такой я не ел уже давно. Это были мои любимые длинные батоны, которые раньше стоили двадцать две копейки. Сейчас их, по-моему, называли французские булки. Кроме хлеба, жвачки, осенних сапог и стирального порошка в булочной ничего больше не было.

Я вспомнил про вчерашнее вкусное печенье, которое купил Александр Сергеевич. Пройдясь по всем ближайшим магазинам, я не нашел там не только вкусного, но и невкусного печенья. Хотя удалось купить масла, молока и пельменей.

Где же он печенье купил? Он же говорил, что ходил в магазин. Апельсины продавались, но ничего похожего на то печенье я не видел.

Я пришел домой и, наконец, попил чаю со свежими ароматными батонами, разрезав их вдоль и намазав толстым слоем масла и смородинового варенья, которое подарили

еще осенью родители.

Только попив чаю, я понял, насколько был голоден и как всегда от жадности решил сварить еще и пельмени. Но пока вскипала вода, голод уже прошел, и я решил оставить их на обед.

По телу разливалась приятная теплота. Я взял книгу, лег на диван, открыл страницу, где была закладка, и подумал, где же он купил такое печенье? Закрыв книгу и отложил ее в сторону. Что же это такое? Я теперь постоянно буду об этом думать? Нужно просто подойти к нему и спросить, почему у него непрозрачные стекла в квартире. Может быть, он ремонт делает и заклеил их? А еще нужно спросить, почему он не чувствует запаха дыма, почему не открывал дверь, откуда взял печенье, когда в магазинах, кроме капусты и картошки, ничего нет, и где он был с шести до одиннадцати. Я улыбнулся. По-моему, я отношусь ко всему этому слишком серьезно. А как еще относиться к тому, что у человека в доме непрозрачные окна? Я встал и прошелся по комнате. Почему он не открывал дверь, когда я ему вчера звонил? Его не было. Трудно поверить, но может быть. Тогда где он был во время пожара? Тоже его не было? Да нет, такого быть не могло. Допустим, он был в ванной... Может быть. И поэтому ничего не чувствовал и не слышал... Я оделся, вышел на лестницу и позвонил в квартиру напротив. Открыл невысокого роста почти лысый мужчина с бледным болезненным лицом. В руках он держал кастрюлю, что-то в ней помешивая.

– Здравствуйте. – Я не знал, как его зовут. – Я ваш сосед.

– Здравствуйте, – настороженно сказал он и, перестав мешать, устался на меня.

– Я только пришел, меня не было вчера, а тут внизу потолок черный, дверь сломана. – Я показал на квартиру Елены Петровны. Сосед наклонился вперед и, посмотрев сначала на лестницу, а потом на сломанную дверь, снова устался на меня.

– Вы не знаете, что произошло?

– А, – он снова начал мешать. – Это пожар вчера был. Дверь сожгли внизу в квартире. А у соседки дверь сломали пожарные. Не знаю зачем. Хорошо, вас дома не было. Мы тут чуть не задохнулись. Горело внизу, а к нам весь дым тянуло. Сначала ничего, а потом в квартире дышать стало нечем. Мы полотенцем пытались щели в двери закрыть. Ничего не помогло. Так что это все ерунда. Открыли окна и дышали. В квартире дым поверху стелется, – он оживился. – Если что горит, нужно на пол ложиться. У нас кот, так я думаю, как же он дышит? Задохнется же! Наклонился его поднять, чувствую, а над полом дыма-то нет! Нет там дыма! – Он многозначительно поднял руку с ложкой вверх. С ложки что-то липкое капало на пол. – Ну, я думаю, если разгорится...

– А в ванную если пойти и там закрыться? – перебил я его.

– В ванную?

– Да, ну может, там дыма не было?

– В ванную не знаю. Я не заходил. . . По всей квартире дым был, так и в ванной, наверно. Нужно не в ванную, нужно ложиться на пол. Там воздух. Я кота спасал, а там дыма-то нет. Я думаю, как он там бегает. Не сразу и нашел – не видно же ничего. А нагнулся, а там. . .

– Спасибо, – опять перебил я его. – Все, что мне было нужно, я уже выяснил. – Если будет пожар, нужно ложиться на пол. Я. . .

– Да, там вообще дыма не было, я как за котом наклонился, так и увидел, думаю. . .

– Да, спасибо, я буду иметь в виду, – сказал я, задом отходя к своей квартире. – Спасибо, до свидания.

Я закрыл дверь, прислонился к ней спиной и стоял так, стуча пальцами по обивке. Я чувствовал себя частным детективом, не меньше чем Мегрэ и Мэри Поппинс, или как ее там, мисс Дулитл? Так-так. Это становилось даже интересным. Значит, версия о том, что он мог быть в ванной, отпадает. И если подозреваемый скажет, что он был в момент пожара в ванной, я скажу, что по показаниям соседа такого-то, он не мог быть в ванной и не чувствовать пожара. Но нужны еще улики. Такой уликой будет печенье, которое он привез с собой из-за границы. Это будет несложно установить. Я оделся и пошел в больницу к Елене Петровне за уликой.

На полпути я подумал, что просто так прийти к больному человеку, забрать печенье и уйти будет не очень вежливо. Я

развернулся и пошел в магазин. В магазине был минтай, консервы из морской капусты и макароны. Ничего подходящего для того, чтобы принести в больницу. Я вернулся домой, порылся в шкафу. Нашлась старая коробка конфет, которую мне подарили еще на день рождения. Половину конфет уже съели, но я разложил их в шахматном порядке, и получилась целая коробка. Это неважно. Главное – внимание! Как говорит подозреваемый.

Удивлению Елены Петровны не было предела.

– Женья! Вы ко мне?!

– Здравствуйте, Елена Петровна, я шел мимо и решил зайти. Это вам. – Я протянул коробку конфет.

– Женья, зачем, у меня все есть. Заберите себе.

– Нет, у меня тоже есть. Это я вам, – сказал я, оглядывая тумбочку.

Елена Петровна заметила мой взгляд.

– Женья, наливайте чай. У нас чайник вскипел. Садитесь.

Я вспомнил, что в палате есть еще одна больная, а я даже забыл поздороваться.

– Здравствуйте, – сказал я, повернувшись в сторону ее кровати.

Женщина лежала в том же положении, как и вчера, спиной к нам, и так же, как и вчера, только кивнула.

Я разлил чай по стаканам и сел рядом с тумбочкой. Меня беспокоило то, что я нигде не видел печенья.

– Женья, доставайте там, в тумбочке, у меня варенье, – ска-

зала Елена Петровна, открывая мою коробку.

Расположение конфет ее удивило. Она некоторое время смотрела на них, а потом положила на тумбочку.

– В какое время мы живем! – сказала она, качая головой. – Раньше в такой коробке было в три раза больше конфет, а стоила она столько же.

– Да-а. – Я тоже покачал головой.

Печенье нашлось в тумбочке. Хотя Елена Петровна предложила достать только варенье, но я достал и его.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался я, засовывая себе в рот целую печенинку.

– Нога ночью только болела. А так хорошо. Как вы, Женя? Как с работой?

– Да, ничего, все нормально. Работы много.

– А кушать успеваете?

– Да, все хорошо, – ответил я, засовывая в рот еще одно печенье.

– Да это вы только говорите. У меня же сын такой же, как и вы. Тоже говорит, что кушает регулярно.

– Да нет. Я кушаю. У нас на работе столовая хорошая. – Я потянулся еще за одним печеньем.

– Сын говорит, его тоже хорошо кормят. А сам худой. Не ест, наверно.

– Да, наверно. Мне тоже поесть не всегда удается. – Я пошарил рукой. Печенья больше не было.

Я встал.

– Спасибо, Елена Петровна, за чай. Мне уже пора. Дел сегодня много. – Я взял пустую пачку печенья. – Я это выброшу.

– Да не нужно, вон в углу ведро у нас мусорное.

– Да нет, я лучше по дороге, что у вас тут мусорить. До свидания. Выздоровливайте.

Я вышел из палаты, зажав в кулак пачку из-под печенья, из которой струйкой сыпались крошки.

Спеша домой, я так торопился, что, проходя мимо магазина, не сразу заметил очередь. Я постоял немного в нерешительности. Что делать? Продукты нужны. В рабочие дни ничего купить невозможно, а за выходные я так толком ничего и не купил. Я решил, что это сейчас важнее, а печенье подождет.

В магазине давали кур, что было как нельзя кстати. Судя по очереди, стоять нужно было недолго – не больше часа. Главное, чтобы хватило.

Вставая в очередь, я увидел Александра Сергеевича, который стоял почти в самом начале очереди и с кем-то разговаривал. Я подумал сначала встать вместе с ним, но потом решил, что не буду пользоваться услугами предателя родины, и встал в самый конец.

Я стоял и думал о том, что я буду делать со всеми этими уликами. Приду я в милицию и скажу: «У моего соседа непрозрачные стекла!» И: «Он не открывает, когда я ему

звоню!» Это веские улики. А еще у него вкусное иностранное печенье – вот пачка, которую я отнял у нашей соседки в больнице, она может подтвердить.

От этих мыслей меня отвлекло то, что очередь уже подошла близко к входу в магазин. Дверь была маленькая, и хорошо, если через нее могли пройти одновременно два человека, а очередь стояла в десять рядов. Я еще ни разу не видел, чтобы люди в очереди стояли друг за другом. Если даже такое случалось, то по мере приближения к концу очереди она все равно превращалась в толпу.

С правой стороны щуплый, но очень живой старикашка начал меня оттеснять в сторону, так что он оказался напротив входа, а передо мной был косяк двери. Я аккуратно оттолкнул его и снова занял лучшее место. Но старикашка и не думал сдаваться. Он что-то пробурчал и начал давить локтем мне в бок так, что в глазах у меня потемнело. Набрал силы, я оттолкнул его в сторону, но немного не рассчитал, так как он с шумным вздохом вылетел из очереди и лег головой в сугроб. Через секунду старикашка заголосил. Он кричал, что его убили, что он встретится со мной в суде и что ему положено каждый день получать по курице и не положено стоять в очереди. При этом он лежал головой в сугробе. Нужно было бы его поднять, но никто не хотел терять свою очередь. Я плюнул на курицу и вышел из очереди. Старика уже поднимали. Я наклонился помочь, а когда поднял голову, рядом стоял Александр Сергеевич. Мы вместе отряхну-

ли старика. Старик, похоже, так и не понял, кто его толкнул. Пока мы его чистили, а я извинялся, он продолжал кричать в толпу, что всех засудит, лишит прописки, уволит с работы и пожалуется в партком и горсовет.

Я оставил продолжающего кричать старика с Александром Сергеевичем и снова влез в очередь. Тем более что за это время она намного не продвинулась и люди помнили, что я там стоял, хотя и приняли меня без особой радости.

Оказалось, что в одни руки дают одну курицу. Я снова «плюнул» на курицу и когда вышел из магазина, отдал ее старику, который даже не сказал спасибо и не предложил заплатить, очевидно, подумав, что это уже пришли из горсовета и восстановили справедливость. Он сразу перестал кричать и побрел вдоль магазина, прижимая курицу обеими руками к пальто. Александр Сергеевич ждал меня около магазина.

Мы постояли немного, смотря старику вслед, и молча пошли в сторону дома. Я прервал молчание первый.

– Я не хотел. Я его и толкнул-то чуть-чуть. Он просто поскользнулся.

– Да, конечно, – только сказал Александр Сергеевич.

– А что мне, отойти нужно было?

– Если вы хотите знать мое мнение, Женя, то, может быть, отойти и было бы правильно.

– Может быть и правильно, но есть-то тоже нужно!

– Есть тоже нужно, – согласился он.

Я начал на себя злиться. Зачем я вообще перед ним оправ-

дываюсь? Кто он такой, что я ему объясняю, почему я старика толкнул? Толкнул и толкнул. Отдал же я ему курицу. А так он вообще бы без еды остался. Его бы или при входе задавили, или в магазине.

Мы молча дошли до подъезда и поднялись на пятый этаж. Я, не говоря ни слова, вошел к себе, закрыл дверь и только тогда вспомнил, что у меня в кармане лежит улика. Это немного подняло мне настроение.

Я разделся, надел тапочки. зашел в комнату, достал из кармана пачку от печенья и начал ее рассматривать. Я так торопился, что не заметил, как просыпал оставшиеся в пачке крошки на пол.

Пачка была обычная за исключением того, что на ней не было ни одной надписи. Она была синего цвета. В центре были изображены два печенья и под ними проходила желтая полоска. Ни названия, ни даты, ничего. Разве такое бывает? Эта улика ничего не объясняла, а окончательно запутывала. Может быть, у него завод по производству печенья, и он его производит у себя дома и там же делает упаковку? Поэтому у него непрозрачные окна, и он не всегда открывает дверь. А пожар он почему не заметил? Заработался? А что он говорил о нашем обществе, вдруг вспомнил я. Он говорил о нашем обществе так, как будто он и не принадлежит ему вовсе. По крайней мере, мне уже так казалось. Конечно, это не его общество, шпион сраный. Он живет у себя в Штатах, а там стариков из очереди не выкидывают. Там все строятся в од-

ну линию, если очередь, улыбаются друг другу и помогают бескорыстно, потому что там общество и люди совсем другие. Они не озлоблены трудностями, с которыми мы живем с детства, спокойные, потому что не видели войны и репрессий, более открытые, потому что не изуродованы страхом. Другие люди. Это мы уроды, считающие себя лучше других, потому что в душе понимаем, что мы на самом деле натворили и что продолжаем творить. Это защита от очевидного: мы невоспитанные уроды, которые живут в этой гребаной стране, которая никогда никого не любила.

Мне вдруг стало обидно за себя. Ну почему я родился здесь? Почему не в Европе, не в Америке, а здесь? Может быть, и хорошо, если нас американцы завоюют? Будем жить, как они, и, в конце концов, у нас родятся дети, которые будут жить в цивилизованной стране и, глядишь, через 30 – 40 лет вырастет новое поколение, как у евреев, когда они 40 лет ходили по пустыне и за это время сформировалось совсем другое общество, не знавшее рабства, и это будут другие люди, такие как Александр Сергеевич. Я уже не относился к нему с неприязнью. Наоборот, мне вдруг подумалось, что он, возможно, занимается нужным и полезным делом, он – прогрессор, как в книгах Стругацких, и прислан сюда американцами, чтобы поднять наш моральный уровень, заложить основы справедливого общества и так далее. С другой стороны, мне все-таки не хотелось, чтобы кто-то нас завоевывал и поднимал наш моральный уровень. Не нравилось

и всё. В общем, я окончательно запутался, как мне относиться к моему соседу.

Я решил, что хватит на сегодня об этом думать. Завтра пойду на работу и расскажу обо всем Вите – пусть он думает. Представив себе, как я буду ему это все рассказывать, я решил, что только покажу ему пачку и спрошу, что он об этом думает.

Сегодня я решил потратить оставшееся время на отдых. Сварил пельмени, вспоминая про не купленную курицу, пошел в комнату, поставил еду на табуретку и сел перед телевизором. По телевизору шла реклама с редкими перерывами на фильм. Фильм рассказывал об известном математике, который был агентом ЦРУ и разоблачал разветвленную шпионскую сеть. Впоследствии оказалось, что у него была шизофрения, и ему только казалось, что он агент ЦРУ, а все агенты, с которыми он общался, были его галлюцинациями.

Перед сном первый раз в жизни я выпил валерьянки, а потом, подумав, запил все это коньяком.

Я открыл глаза и лежал так, рассматривая двигающиеся по потолку тени. На улице проехала машина, и по потолку пробежала темная полоска, снова машина – и снова темная полоска, загрохотал бортами грузовик, медленно поползла широкая темная полоса. Тишина. Наконец я повернулся и посмотрел на часы. 5 часов 14 минут. Темно, только свет фонаря возле дома освещает комнату. Было такое со-

стояние, когда спать хочется, но заснуть не можешь. Закрываешь глаза, и в голове, независимо от твоего желания, появляются тысячи мыслей, которые нужно обдумать, хочешь ты этого или нет.

Я встал и поставил чайник. Походил кругами по кухне и сел, уставившись на горящий под чайником газ. До восьми часов нужно было чем-то себя занять. На столе лежала та самая пачка от печенья. Я взял ее, повертел в руках и кинул на стол. Достал сигарету и закурил. Поискав глазами пепельницу, вспомнил, что она осталась в комнате на табуретке перед телевизором. Идти было лень, и я стряхнул пепел в пачку от печенья. Фиг с этой уликой и со всеми остальными. Так можно вообще спать перестать. Закипел чайник. Я отложил сигарету и заварил чай. Пока он заваривался, пошел в комнату и включил телевизор. Работала только одна программа – ТВ 6. Передавали какую-то депрессивную музыку, и я его выключил. Снова вернулся на кухню, налил себе чаю и только тут вспомнил про сигарету. Она лежала на пачке и еще горела. Наверно, стол испортил. Я сдвинул пачку и провел рукой по столу – ничего. Я стряхнул с пачки пепел. Она была как новая. Никаких следов того, что на ней несколько минут лежала горящая сигарета. Я отодвинул чай и стал рассматривать пачку. Потом взял зажигалку и попытался ее поджечь. Она не горела! Первый раз вижу бумажную пачку печенья, которая не горит. Сделают же буржуи. Чем мне это может помочь, я не знал. Явно пачка печенья

сделана не у нас. Ну и что? В конце концов, я понял, что меня совсем не интересует, шпион мой сосед или нет. Меня интересовало, почему он так странно себя ведет, как он мог не заметить пожар, а если заметил, то почему сделал вид, что ничего о нем не знает? Как можно не почувствовать, что на лестнице пожар, если в комнате столько дыма, что кота найти невозможно. Можно не почувствовать, что в доме пожар, только если тебя в доме не было. Больше никак. Я встал, вышел в коридор и нажал кнопку звонка соседа.

Я не знал, что я буду делать, если он откроет, но я почему-то был уверен, что его там нет. Я стоял и держал кнопку. Только тут я понял, что не слышу звонка. Может быть, он не открывал потому, что у него звонок сломан? Я постучал, прислушиваясь к тому, что происходит в квартире. Ничего. Постучал еще. Опять ничего. Его в квартире не было. Я все понял: он только делает вид, что живет в этой квартире. Это явка. Он появляется здесь, когда ему нужно передать или принять сообщение, или сюда приходят связные. Я вернулся домой, допил чай и спокойно уснул до семи часов.

Проснулся я на удивление выспавшимся. Наверно, подействовала валерьянка. Я сразу же встал, умылся, позавтракал, и так как дома делать было уже нечего, я решил пойти до метро пешком, что я собирался начать делать уже давно. Я вышел в коридор, закрыл дверь и уже собирался уходить, но остановился перед дверью соседа и позвонил снова. Звон-

ка, как и ночью, слышно не было. Я постучал, немного постоял и постучал громче, потом еще громче, а потом начал стучать ногой так, что дверь заметно содрогалась от ударов. Появился даже какой-то азарт.

– Женя, ты что делаешь?

В дверях в майке и в брюках стоял Вадим.

– Да я хотел к Александру Сергеевичу зайти, а его нет дома, – улыбаясь, ответил я.

Эта улыбка Вадима испугала, и он некоторое время только наблюдал, как я долблю со всей силы ногой по двери.

– А зачем стучать? Звонок же есть, – наконец сказал он.

– Звонок не работает.

Мне пришла в голову мысль спросить Вадима про пачку печенья. Я перестал стучать и повернулся к нему.

– Вадим, а за границей, наверно, продукты сильно отличаются от наших?

Он не сразу понял, о чем я спрашиваю.

– Какие продукты?

– Ну, например, печенье, шоколад, конфеты... Я видел, по телевизору показывали. Так там упаковки такие красочные, блестящие.

– Вообще, продукты как продукты, – немного успокоился он. – Шоколад он и в Африке шоколад. Но упаковка, конечно, с нашей не сравнить.

– А делают там какую-нибудь необычную упаковку?

– Необычную? Вообще, делают. Там иногда наносят

на упаковку специальную краску, и она от температуры цвет меняет. Я пиво такое покупал. Ставишь в холодильник, и этикетка меняет цвет. Или делают на упаковке голограмму. В детском магазине я видел. Хотел из-за одной упаковки купить, но как посмотрел на цену, решил не брать. Там все стоит... Мы как-то один раз взяли напрокат машину и поехали отдыхать к морю. Дороги хорошие. Ехать одно удовольствие. Вот. Едем километров сто пятьдесят...

За спиной раздался щелчок замка, скрипнула дверь, и я услышал знакомый голос.

– Доброе утро, молодежь! Это что же вы, до сих пор не ложились?

Я медленно оглянулся. В двери своей квартиры стоял Александр Сергеевич.

– Доброе утро! – поздоровался Вадим. – Мы вчера встречу отложили. А Женя что-то хотел...

– Доброе утро! – перебил я его. – Я хотел сначала... но потом подумал, что, наверно, не нужно.

Александр Сергеевич ничего не понял.

– А я слышу голоса на лестнице. Думаю, неужели до сих пор гуляют? Ладно, пойду умываться. Хорошего рабочего дня! – сказал он и закрыл дверь.

– Так вот, – продолжал Вадим. – Слышим, сзади сирена. Полиция. Оказывается, нужно сразу остановиться, а мы едем и едем. – Вадим, видимо, заметил, что я его не слушаю. – В общем, заплатили штраф четыреста долларов. Ты пред-

ставляешь, сколько на эти деньги можно у нас нарушать правила?

– Да, у нас можно на эти деньги год на красный ездить. Я пойду, мне на работу уже пора, – быстро сказал я. – Мне пора на работу.

– Да, пока!

Но я повернулся и пошел снова домой. Теперь я уже ничего не понимал. То есть ночью соседа дома не было, утром не было, а потом он появился. Как он появился, если он не поднимался по лестнице? Он влез в окно. На пятый этаж.

Я попил, не раздеваясь, еще раз чаю и, взяв пачку, которая так и лежала на столе, пошел на работу.

Я чуть не опоздал, из-за чего решил больше пешком до метро не ходить.

Не успел я сесть за конвейер, как прибежал Георгий с распаянной колодкой.

– Здравствуйте, Женя! – сказал он и гордо положил колодку передо мной. Я оглядел ее. Он делал явные успехи.

– Здравствуйте! – я вернул ему колодку. – Хорошо распаяно. Теперь попробуйте трансформатор.

Он сел на свое место и углубился в работу. Наверно, будет из него толк. Колодку неплохо распаял. Мне самому делать ничего не хотелось. Я никак не мог дождаться перерыва, чтобы показать пачку Вите. И как только народ потянулся на перекур, я вышел на улицу и стоял там, приготовив для

него сигарету. Он появился последним.

– Привет, ты знаешь, что будут досрочные выборы президента? У тебя, кстати, не будет... – Он увидел сигарету у меня в руках. Закурил. – Если выборы будут досрочные, то коммунисты...

Я протянул ему пачку от печенья.

– Смотри.

Он взял пачку, повертел ее в руках.

– И что?

– Она не горит.

– Что значит, не горит?

– Попробуй.

Он посмотрел ее на свет, взял зажигалку подставил ее под пачку, потом попытался поджечь угол. Бумага даже не закоптилась.

– Откуда это у тебя?

– Да так. Нашел. Ты видел что-нибудь похожее?

– Такого никогда не видел. Это же бумага. Это бумага?

– Не знаю. Я тебя хотел спросить.

– Вообще, это интересно. Так вот. Если будут досрочные выборы, то коммунисты могут получить большинство, потому что...

– Да фиг с ними, с коммунистами, – перебил я его. Достало меня это уже все.

– А тебе что, все равно, кто будет управлять страной? – возмутился он.

– Мне не все равно, но я-то что могу сделать? Что мне, пойти и попросить, чтобы президент досрочно не уходил? – Я выбросил сигарету.

– Но это же от нас зависит, какой у нас будет президент! Поэтому у нас такой бардак, что всем все равно.

– Ну, допустим, мне не все равно. Что от этого изменится? Остальным-то так и будет все равно, потому что народ у нас такой уже. Нужно 40 лет ждать.

– Так что, ничего не делать? Почему 40 лет?

– Потому что Моисей. Почему ничего не делать?

– И что же делать и причем тут Моисей?

– Моисей потому, что он водил всех по пустыне. Что делать? Ну уж не на митинги ходить. Работай... Ребенка воспитывай. Лучше скажи, у нас такую бумагу делают?

Витя очень странно на меня посмотрел. Возможно, он ничего не понял про Моисея, но взял пачку и повертел ее в руках.

– Вообще первый раз такое вижу. Странно. Сделать такое, наверно, могли, но не для печенья же. – Он опять повертел пачку в руках. – Может, мне ее в институте показать, где я окна мыл? Не дожидаясь моего ответа, он свернул пачку и положил в карман. – Я там ночью буду и спрошу. Это ты просто в магазине печенье купил?

– Да нет... дали.

Перекур закончился. Народ нехотя побрел на рабочие места. Витя посмотрел на свой бычок, замахнулся, чтобы его

выбросить, но опустил руку и затянулся еще раз.

– А вообще, непонятно, зачем печенье заворачивать в бумагу, которая не горит. Космические технологии какие-то. А может, это печенье для космонавтов? – прищурившись, сказал он и выкинул наконец бычок.

Весь рабочий день я засыпал. Наверно, валерьянка продолжала действовать. Я даже не ходил больше на перекуры и во время перерывов пытался подремать, положив голову на руки.

Когда я приехал домой, то у меня была одна мысль – поспать. Мне не хотелось даже есть. Тем более есть было нечего. Я решил попить чаю и лечь спать. Только я закрыл глаза, зазвонил телефон. Звонил Витя.

– Где ты взял эту пачку? – спросил он меня очень серьезным голосом.

– Да я же говорю, дали. Долго объяснять. А что?

– Материал, из которого сделана пачка, сделан не на Земле, – шепотом сообщил мне Витя.

Это была очень необычная и даже шокирующая новость, но я почему-то не удивился. Витя продолжал мне что-то говорить, но я его не слушал. Александр Сергеевич не просто шпион – он шпион с другой планеты.

– Витя, спасибо, пока! – прервал я Витю на полуслове и положил трубку.

Что мне теперь делать? Попить чаю.

Звонок раздался в тот момент, когда я насыпал заварку в чайник, и я просыпал половину пачки на стол. Я шел открывать дверь, уже зная, кто стоит за дверью.

В дверях стоял Александр Сергеевич. Я даже не успел испугаться, как он молча вошел ко мне и закрыл за собой дверь. Я почему-то сразу посмотрел на его руки – нож у него там или бластер. Руки были пустые.

– Мне кажется, Женя, нам пора поговорить.

Я шумно сглотнул. Сосед, не спрашивая разрешения, прошел в комнату и сел на диван.

– Вы один?

– Нет, – ответил я. – То есть да.

– Хорошо, тогда садитесь. Разговор у нас будет долгий.

Я прошел в комнату. И сел. У меня появилась надежда, что я еще буду жить.

– Женя, я вижу, вас интересует, кто я такой? – сказал он полуутвердительно-полувопросительно. – Вы, наверно, считаете меня шпионом?

Я помотал головой.

– Это неважно. Но я могу вас уверить, что я не шпион. По крайней мере, в том смысле слова, как это представляете себе вы. У вас хорошее воображение?

Я сидел и молча смотрел на него, думая, как нужно ответить, чтобы он меня не убил. Он продолжил, не дожидаясь моего ответа.

– Дело в том, что я вам хочу рассказать такие вещи, по-

нимание которых потребует от вас некоторого воображения. И прошу вас не пугаться. Непонятное еще не значит страшное. И главное, наши дальнейшие отношения будут зависеть от вашего личного желания. Если вам не интересно, кто я такой и что я хочу рассказать, я уйду прямо сейчас.

Я немного успокоился, и любопытство пересилило страх.
– Рассказывайте.

Он утвердительно кивнул.

– Хорошо. Я не с Земли. – Он достал какую-то штуку из кармана, положил ее на стол, и над ней в объеме появилась модель Солнечной системы. Схема работала. Планеты вращались и двигались. Все было настолько натурально, что создавалось впечатление, что это реальный макет.

– Я знаю, – спокойно ответил я.

Александр Сергеевич внимательно посмотрел на меня и продолжил.

– Я хочу сказать, что я пришел к вам не просто так и не потому, что вы считали меня шпионом. Все это не случайно и делалось специально для того, чтобы подготовить вас. А до этого мы исследовали психологический тип вашей личности. Не каждый человек готов к контакту в силу своих психологических особенностей. Также не вы единственный, с кем мы вступаем в контакт. Вы никогда не узнаете других людей, с которыми мы вступали в контакт, но вы не единственный. Цель контакта – подготовить и разработать технологии контакта. Мы выглядим так же, как и вы, и так я вы-

гляжу на самом деле. А теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Я поймал себя на мысли, что воспринимаю все, что он говорит, совершенно спокойно. Наверно, действительно они это все рассчитали.

Небольшое зерно сомнений еще оставалось, но я чувствовал, что все, что он говорит – правда. Вместо того чтобы волноваться, я, наоборот, успокоился.

– У вас в квартире есть что-то, с помощью чего вы можете попасть к себе? – спросил я.

Он удивленно поднял брови.

– Да, там транспортер.

– Вы его собрали здесь? Сколько времени занимает попасть... полет? Это телепортация?

– Я думаю, мне следует рассказать об этом подробно. Нет, транспортер мы привезли. Пространство неоднородно. Вдоль одного измерения расстояние существует, а другое представляет собой безразмерную точку. Там действуют другие законы и понятия. Все эти измерения включены друг в друга. Передвигаться можно в разных измерениях, если это можно назвать передвижением. Существует закон неопределенности, который ограничивает точность попадания в определенную точку. Поэтому для того чтобы оказаться в конкретной точке, нужны специальные устройства с той и другой стороны. Мы называем их транспортеры.

– А как вы сюда попали в первый раз?

– В первый раз при отсутствии транспортера есть риск оказаться где-нибудь внутри стены. Поэтому сначала проход создают где-нибудь в безлюдном месте – в степи или в пустыне, а потом уже транспортируют, куда нужно, аппаратуру.

– И у вас на Земле есть база?

– Нет, никакой базы нет.

Интересно, а я им зачем, что они собираются со мной делать? Опыты будут ставить? А потом убьют... Если бы они собирались меня убить, то давно уже убили бы. Да и для опытов проводить со мной беседы необязательно.

Александр Сергеевич сидел и смотрел в окно, дав мне время подумать.

– А что я должен делать?

Он повернулся.

– Кое-что вы уже сделали. Например, наш разговор и ваша реакция – это часть эксперимента. Могу сказать, что вы, Женя, являетесь идеальным контактором. Дальнейшее сотрудничество зависит от вас. Если вы скажете «нет», мы с вами расстанемся...

– И я не должен буду никому ничего рассказывать?

– Почему? Нет. Вы будете делать то, что считаете нужным. Рассказывайте об этом кому угодно. Но не удивляйтесь тому, что серьезно вас никто не воспримет. Но зачем об этом говорить? Вы же еще ни от чего не отказались. Так?

– Нет. Но я не понял, что от меня требуется?

– От вас, Женя, требуется только общение. Мы не собираемся ставить никаких медицинских опытов, если это вас интересует.

– Общение? – не понял я.

– Да. И лучшим вариантом будет, если вы поживете некоторое время у нас.

Тут я действительно испугался. Внутри все похолодело, и мной овладела паника. Я оглядел комнату, соображая, как мне позвать на помощь. Лучше будет разбить окно и кричать. Нет, окно не нужно. Зима, холодно. Лучше кричать в форточку.

Александр Сергеевич продолжал:

– Все зависит от вас. Вы можете отказаться. Если вы согласитесь, то отправитесь к нам тогда, когда вам этого захочется, и вернетесь тогда, когда решите это сделать. На этом наш разговор сегодня закончен. Думайте и приходите ко мне, когда успокоитесь, и у вас появятся новые вопросы. До свидания, Женя.

Он вышел и закрыл дверь, а я все еще думал, бить стекло или нет. Мысль эта меня увлекла. И я еще некоторое время сидел и решал, что делать в таких ситуациях и как звать на помощь. Если кричать в форточку, то никто не придет точно, а если разбить окно, то тоже никто не придет, но будет еще и окно разбито. Нужно купить баллончик с газом и где-нибудь спрятать или лучше несколько баллончиков. Да что баллончики. Разве они помогут? Я понял, что мне про-

сто не хочется думать о том, что говорил Александр Сергеевич. Я ему верил. Страх тоже прошел, но я все равно никуда не поеду или не полечу, или что у них там. Если они хотят общаться, пусть общаются, но здесь. Как я могу куда-то уехать? А работа? Нет, я эту работу год искал, и если бы не случайность, пришлось бы работать на каком-нибудь госпредприятии, как сейчас работают половина моих школьных друзей. Платят у нас мало, но платят, а у них вообще не платят, так что им иногда семью кормить нечем. Нет, никуда я не поеду. Может быть, сказать им, чтобы они мне за это платили? Хотите общаться и исследовать – платите, а так просто время тратить на них не буду. Меня вдруг заняла мысль, сколько у них попросить? Меня отвлек телефонный звонок. Я несколько секунд смотрел на телефон и только потом поднял трубку.

– Да.

– Женя, привет. – Это была мама.

– Привет, мам.

– У тебя все нормально?

– Да, все нормально.

– Покушал?

– Да, покушал. Как вы?

– Все нормально. У папы опять радикулит и давление. Лежит целый день.

– Врача вызывали?

– Он не хочет. Ты же знаешь, у него радикулит постоян-

но. Нужно съездить папе за лекарствами. Ты помнишь, что покупать?

– Да, я съезжу.

– Съезди и купи несколько упаковок. И сам следи за собой. У вас на работе тепло?

– Да, тепло.

– Если будет дуть, намотай шарф шерстяной, который я тебе дала, красный с пингвинами. Папа на работе себе спину застудил.

Я молчал.

– Ты слышишь меня? Намотай шарф на поясницу.

– Да, мама, а слышу. У нас тепло. Ладно, пока.

– Ты обедал сегодня?

– Да, обедал. Пока.

– Пока... Дома не холодно?

– Нет. Пока. Папе привет!

– Пока.

Я положил трубку.

Отец всю жизнь проработал на оборонном предприятии. Что они там собирали, он, наверно, и сам не знал. Все время пропадал на работе. Приходил иногда так поздно, что я уже спал, и мы с ним не виделись по несколько дней. А если приходил не поздно, то все равно думал о работе и пообщаться мне с ним не удавалось. А если я настаивал, то он говорил: «Неужели ты не понимаешь, я забочусь о семье». Придет домой, поужинает, сядет за стол, разложит бумаги

и смотрит там что-то, перекладывая их с места на место. А я сижу на диване и смотрю, что он там делает. Или подойду и заглядываю ему через плечо.

А как случился кризис, все, что он заработал за свою жизнь, превратилось в несколько никому не нужных бумажек. Остался один ревматизм.

Родители всю жизнь экономили. Мы никуда никогда не ездили, я даже на море ни разу не был. Мне вдруг стало так обидно. Даже не за то, что я на море не был, а вообще. За всё. Я снова подумал, почему все это происходит именно со мной? Почему все происходит так, а не по-другому? Почему я родился в этой стране, а не где-нибудь за границей? Почему они там идут в магазин и покупают, что хотят, а мне нужно копить деньги три года, а потом еще и не купишь на них ничего? Почему некоторые люди живут на море, на курорте, а я его даже ни разу не видел, и у меня нет денег на то, чтобы туда съездить. У нас вода-то горячая не всегда есть. Я работаю каждый день, встаю в семь часов, целый день сижу на работе, а мне не хватает не то чтобы куда-то поехать – мне не хватает на еду. Почему так? Чем я хуже сына миллионера, которому и работать не нужно, а мне приходится работать самому и еще помогать родителям, которые проработали всю жизнь и кроме ревматизма ничего не заработали. Почему я должен жить в этой стране и каждый день бояться, что опять случится кризис, или придут снова к власти коммунисты, или завтра кончится еда и невозможно бу-

дет купить поесть? «А со многими ли людьми происходит то, что произошло со мной?» – задумался я. Может быть, это и случилось именно из-за того, что я живу именно здесь? Может быть, если бы со мной не произошло все, что было, не случилось бы и это? Может быть, у каждого происходит что-то, ради чего они живут именно так, а не иначе? А что меня, собственно, пугает в его предложении? Будет ли у меня еще такой шанс, и что мне терять? Что я вообще потерять могу? Работу? Да плевать на такую работу. В конце концов, возьму отпуск. Я в отпуске не был три года. Не потому, что отпуск не давали, а потому, что делать в отпуске нечего. А сейчас возьму отпуск. Скажу, поеду на другую планету отдохнуть. А там что будет, то и будет. Пусть они ставят на мне опыты. Зато побываю где-нибудь, кроме Москвы. Я встал и решительно пошел к Александру Сергеевичу. Я уже боялся, чтобы они не нашли кого-нибудь другого.

Александр Сергеевич меня ждал. Я первый раз прошел в его комнату. Она была небольшая. Вдоль стены стоял диван, в центре – круглый стол, рядом с которым стояли два стула, в дальнем углу комнаты располагался шкаф. Больше в комнате ничего не было.

– Садитесь, Женя, – сказал, показывая на диван, Александр Сергеевич.

Я сел.

– У вас появились вопросы?

Только тут я понял, что не знаю, о чем его спрашивать.

– Я согласен, – ответил я.

Александр Сергеевич сел на стул и пристально на меня посмотрел.

– Когда вы готовы поехать?

– Я завтра схожу на работу и возьму отпуск, а там как получится. А дышать как я буду там?

Он улыбнулся.

– Атмосфера почти такая же, как и у вас. Кислорода немного меньше, но вы привыкнете. Единственная проблема: вам нужно будет сделать прививку. Не пугайтесь. Она повышает иммунитет и защищает от вирусов и бактерий, к которым у вас нет иммунитета.

Я снова испугался: опыты начинаются. Он достал из шкафа такой же белый пластмассовый пузырек, какой он оставил Елене Петровне в больнице.

– Будете пить через каждые два часа в течение трех дней. Не волнуйтесь, если пропустите или выпьете больше, но лучше делать, как я вам сказал. Ночью пить не нужно.

Я взял пузырек и покрутил его в руках.

– А анализы никакие делать не нужно? – поинтересовался я.

Он опять улыбнулся.

– Женя, все, что нам нужно, мы о вас уже знаем. Иначе бы не обратились к вам.

Я кивнул.

– А как я там буду общаться? Я же языка не знаю.

– Не волнуйтесь, Женя, у нас там большая группа исследователей, которые знают русский. Они и будут переводчиками. Несколько дней вы будете жить в нашем Центре. Это необходимо для акклиматизации, а потом переедете на обычную квартиру. Центр находится в климатической зоне, соответствующей вашей, и проблем с этим у вас не будет. Сейчас там осень. Продолжительность дня 24 часа 30 мин. С собой брать ничего не нужно – вы всё получите там.

– А звонить я оттуда смогу?

Он засмеялся

– Нет, позвонить не получится.

– А где у вас это... телепортатор?

– Транспортер? – уточнил он.

– Да.

– В свое время вы всё увидите. Не волнуйтесь. Вы ничего не почувствуете. переброска занимает одно мгновение. Аварии исключены. Это намного безопаснее, чем лететь на самолете. День вы можете выбрать сами. Но в любом случае отправиться вы можете не ранее чем через три дня. Это нужно, чтобы у вас окреп иммунитет. Когда вы определитесь с датой, я скажу, в какое время будет лучше отправиться.

– А можно летать не в любое время?

– Нет, просто лучше прибыть туда утром. Это ускорит акклиматизацию.

Я почувствовал, что информации уже слишком много

и мне нужно время, чтобы ее переварить.

Я встал. Александр Сергеевич пошел меня проводить. Только выходя из комнаты, я обратил внимание, что окна в квартире совершенно обычные и через них видна улица. Он заметил мой взгляд.

– Они прозрачные только с одной стороны. Так что в бинокль вы бы ничего не увидели.

Придя домой, я почувствовал, насколько устал. Я, не раздеваясь, лег на диван и сразу уснул.

Утром, не заходя на свое рабочее место, я пошел к Сергею. Он только что пришел и надевал халат.

– Мне нужен отпуск... Завтра. На два месяца.

Он повернулся. Его рука застряла в рукаве халата.

– Ты что? В отпуск?

– Да, я три года не был.

– Зимой? На два месяца?

– Да, вот я тоже думаю – может, на три взять?

Он, наконец, просунул руку и сел за стол.

– То есть как завтра?

– Завтра. Я билеты купил.

Он передвинул стопку бумаг на столе на другой угол.

– У тебя что-то случилось? – Он передвинул стопку снова на прежнее место.

– Нет, на море поеду.

– Куда, в Турцию?

– Нет, в Крым.

– Там же зима...

Я подумал, что действительно в Крыму сейчас холодно.

– Я не люблю, когда жарко.

Он покивал головой.

– Пиши заявление.

Я не ожидал, что он так быстро согласится.

– Но только на месяц, – дополнил он.

Я не стал возражать и сел прямо у него за столом писать заявление. Он подписал, не читая, и отдал мне листок.

– Отдашь в отдел кадров, а потом иди в бухгалтерию. Я сейчас позвоню, чтобы они отпускные выдали.

К трем часам я вернулся на свое рабочее место с полными карманами денег. Настроение было такое, как бывает перед отъездом. Предвкушение новых впечатлений, дороги, возвращения. Но была и грусть от расставания. Я оглядел наш подвал. Сегодня он не казался таким мрачным и темным. Он уже стал частью моей жизни, и расставаться с ним было жалко. Справа сидел Георгий, сосредоточенно паяя трансформаторы. Рядом с ним лежала куча оторванных ножек. С ним мне тоже уже не хотелось расставаться. Он повернулся в мою сторону, виновато улыбнулся и снова сосредоточился на пайке.

Вот так живешь в дерьме, а как скажут, вылезай парень, и не хочется уже – привык. Я посмотрел на часы и достал из пузырька очередную таблетку.

Появилось какое-то незнакомое ощущение независимости. Я встал и вышел на перекур на несколько минут раньше, чем положено. Я уже почти докурил, когда потянулся народ. Я выбросил сигарету и достал еще одну. Нужно спросить, можно ли там курить, подумал я. Кто-то взял из моей руки незажженную сигарету. Я обернулся. Витя прикуривал.

– Коммунисты решили объявить президенту импичмент, – сказал он, не вынимая сигарету изо рта и затягиваясь. – Если они наберут две трети голосов, то снимут президента.

Я смотрел на него и улыбался.

– Ты что улыбаешься? Я посмотрю на тебя, когда президента снимут.

– Когда снимут президента, меня уже здесь не будет.

Витя вытащил сигарету изо рта и уставился на меня.

– Увольняешься?

– Нет, в отпуск иду.

Витя расслабился и затаился.

– Успеешь к тому времени вернуться. Если коммунисты смогут провести в Думе закон...

– А я, может, и не вернусь.

Он опять вытащил сигарету изо рта.

– Ты что, иммигрировать собрался? Это ты зря. У нас плохо, но станет лучше, а у них хорошо, но станет плохо. Это закон.

– Какой закон?

– Закон волнообразного течения эволюции. Если мы в полной жопе, то они только готовятся к этому. Лучше здесь сидеть. А то получится из одной жопы в другую. Ты в Штаты?

– На другую планету.

Он опять расслабился.

– А, ну-ну.

Он пальцами выбил из сигареты уголек и положил бычок в нагрудный карман. И уже собрался уходить. Я остановил его и протянул руку.

– Давай, Нострадамус, до встречи.

Он удивленно пожал руку. И посмотрел на меня.

– Так ты что, не вернешься?

Я неопределенно поднял плечи и пошел к себе, а Витя стоял некоторое время в дверях, так что его толкал возвращающийся с перекура народ.

Я шел от метро пешком. Шел, с наслаждением вдыхая морозный воздух и раскидывая ногами свежевыпавший снег. Его за день напало много. Он еще не успел слежаться, и был похож на тополиный пух в середине лета. Все вокруг казалось родным. У меня было такое ощущение, что я это все больше уже не увижу. И от этого опять хотелось себя жалеть. И хотелось этим всем с кем-нибудь поделиться. Чтобы человек посочувствовал тому, что я могу это уже и не увидеть и, возможно, сюда не вернуться. Не то чтобы я думал, что

там мне будет плохо. Может быть, там намного лучше, чем здесь. Может быть, там намного лучше, чем вообще где-нибудь на Земле, но все равно какая-то тоска гложет. Привык просто жить здесь, вот и всё. Потом будет вспоминаться как страшный сон. Что вообще здесь меня держит? Ну родители здесь, друзья... Ну и что? Что же теперь всю свою жизнь с родителями жить? Да и поняли бы они, если бы собрался, например, в Америку уехать. Я представил, что уезжаю туда вместе с родителями и друзьями, и все равно что-то неуловимое оставалось здесь. Это нельзя было потрогать и взять с собой. Это было только здесь. Как бы и что бы здесь ни происходило, как бы я себе не представлял, что снова революция, голод, холод, ураганы, вечная мерзлота, эпидемии, коммунисты... Все равно это все не перевешивало того, что не хотелось здесь оставлять, но и взять было невозможно. Это просто привычка жить так, как живешь, решил я. Даже если живешь плохо, все равно к этому привыкаешь, и менять ничего не хочется. Просто не хочется ничего менять. Посмотрим, как мне захочется вернуться, если я проживу некоторое время там. Я поднял голову и посмотрел на небо. Погода стояла ясная, и уже появились самые яркие звезды. Я пытался угадать, где находится та звезда, стараясь представить себе, как может выглядеть планета, и как я буду там жить. Пока я любовался небом, налетел на стоящего человека.

– Куда ты прешься? – сказал он, потирая бок.

– Извините, я случайно.

– Случайно. Смотреть нужно!

– Извините.

Человек ушел, держась за бок и бурча что-то себе под нос.

Я оглянулся вокруг, и вдруг мне пришла в голову мысль о том, а заметит кто-нибудь, что я уехал? Будет им меня не хватать или и они даже не заметят, что меня здесь больше нет? Изменится вообще что-нибудь на Земле, если я отсюда уеду? Или ничего не изменится? Был такой-то и уехал на другую планету. От этих мыслей мне стало как-то не по себе. Все-таки я слишком много думаю последнее время.

Сборы заняли два дня. Точнее, подготовка, так как братья ничего не собирались, кроме фотографий. Родителям я сказал, что еду на два месяца в отпуск. Они удивились, что так надолго, но скорее были рады, потому что сами говорили постоянно, что я много работаю. Я заплатил за три месяца вперед за квартиру и свет. Предупредил соседа напротив посматривать за моей квартирой. Убрался дома и выбросил кучу мусора, который не собрался бы выбросить еще год. Постирал все свои вещи.

На третий день утром я пошел навестить Елену Петровну. Для этого я съездил в центр и, отстояв огромную очередь, купил большую коробку печенья.

Елена Петровна, увидев меня в дверях палаты, приподнялась и села на кровати.

– А вот и Женя! Здравствуйте, садитесь. У вас, наверно, времени и так нет, а вы всё больную старуху навещаете.

– Здравствуйте! Это вам, – я положил коробку на кровать. – Я ненадолго. Пришел попрощаться. Завтра уезжаю в отпуск.

– Хорошо вам отдохнуть! Куда поедете? Чай-то попить у вас время есть?

– На чай время есть, – согласился я. – А еду на море. Как вы себя чувствуете?

– Хорошо. Сегодня ночью нога уже совсем не болела. Врачи удивляются. Я уже сидеть могу.

– Женя, наливайте себе чай, – сказала она, показывая на чайник. – Кипел недавно. Мы тут постоянно чаи гоняем.

Я налил два стакана и сел около кровати.

Елена Петровна рассказала, чем кормят в больнице, в какое время и какие таблетки она пьет. Рассказала про всех врачей. Сказала, что сначала очень удивилась, что такие все внимательные врачи и сестры. Даже рассказала об этом своему сыну, который приходил утром. Но он ей раскрыл секрет их внимательности, сказав, мама, ты где живешь.

– Он в первый день приходил и, оказывается, заплатил кучу денег, чтобы они за мной смотрели.

– Зачем нужно было, я и так сама все могу, – жаловалась Елена Петровна. – Такие деньжищи отдал. Зачем, я не знаю. Я сегодня уже сама в столовую ходила.

Я сочувственно кивал.

– Елена Петровна, вы говорили, ваш муж был в лагере, а он потом не хотел уехать из Советского Союза?

Она задумалась.

– Нет, мне он ничего не говорил. Но тогда это не так просто было – уехать. Но даже если бы и предложили, он вряд ли бы согласился. Он по-другому стал после лагеря ко всему относиться. Наоборот, говорил, что благодарен, что живет здесь. Говорил – здесь мое место.

– Его место? – не понял я.

– Да, он так и сказал – мое место здесь. Он говорил, что в лагере многое понял и не меньше еще понять нужно.

– А что он понял?

– Я вряд ли смогу объяснить. Я сама мало что тогда понимала. Только сейчас я кое-что начинаю. Я не смогу объяснить.

– Почему?

– Для того чтобы понять, нужно измениться, – услышал я голос сзади.

Я оглянулся. Соседка Елены Петровны на этот раз лежала на спине и читала книгу, обернутую в газетную бумагу.

– Что значит измениться? – спросил я, не ожидая ответа. Его и не последовало.

– Да, наверно, это так. Я и сама до сих пор не все понимаю, – подтвердила Елена Петровна. – Вы, Женя, уехать собираетесь? – вдруг спросила она.

– Нет, просто интересно было.

– А, ну хорошо, а то все у нас уезжают, так здесь никого не останется.

Елена Петровна о чем-то задумалась.

Я встал. Пора было уже уходить.

– До свидания, выздоравливайте!

Елена Петровна рассеянно посмотрела на меня.

– До свидания, Женя! Отдыхайте!

– До свидания, – попрощался я и, уже выходя из палаты, услышал голос ее соседки.

– До свидания, Женя.

Я остановился в дверях и посмотрел в ее сторону, но она больше ничего не сказала.

Прибытие

Александр Сергеевич сказал, что лучше будет отправиться в три часа дня. Тогда у них будет около восьми утра. Он предложил мне выспаться перед отъездом, чтобы переход на новое время прошел быстрее. Но чем ближе был отъезд, тем больше я волновался. Я не спал всю ночь и заснул только под утро. Проспал несколько часов и лежал еще час с открытыми глазами, разглядывая потолок. Думать ни о чем не хотелось, и я представлял себе, что мне никуда ехать не нужно. А может быть, никуда не ехать? Просто не приду в три и всё. Что мне там делать? Я встал, умылся и до трех часов ходил по квартире в нерешительности – ехать или нет. Но без десяти три я выключил везде свет, перекрыл воду, закрыл окна и, еще раз оглядев квартиру, вышел и закрыл дверь.

Постояв немного перед квартирой Александра Сергеевича, я нажал кнопку звонка. Он открыл почти сразу, посмотрел на часы и сказал, что по мне можно сверять время. Я вошел в комнату и сел на диван. Наверно, вид у меня был неважный, потому что Александр Сергеевич спросил, как я себя чувствую. Я только махнул рукой.

– Главное, не волнуйтесь, Женя, – сказал он. – Вы отправитесь первый. Выйдите из транспортера и ждите меня там.

Он подошел к шкафу и открыл дверь.

Я так и думал, что транспортер находится в шкафу. Я по-

дошел, ничего больше не спрашивая.

– Заходите, Женя, – пригласил он.

Я заглянул в шкаф. Там была еще одна дверь, которая вела в кабину, похожую на кабину лифта.

– Заходите, Женя, – пригласил он еще раз. – Делать вам ничего не нужно. Дверь закроется, и сама откроется. Просто стойте там, а когда дверь снова откроется, выходите.

Я вошел в кабину. Колени дрожали. Я огляделся. Стены были сделаны из материала, похожего на покрытие сковородок «Тефаль». Я видел такие в магазине. Дверь закрылась, свет в кабине выключился и включился снова. У меня заложил уши. Дверь снова с шипением открылась. Звук был очень знакомый. Я понял, что шумело каждое утро в квартире соседа. Дверь полностью открылась, но ноги не двигались. Я немного постоял, глубоко дыша, и, наконец, вышел из шкафа.

Я оказался в такой же комнате, как и комната Александра Сергеевича. Мне пришла в голову мысль, что это все шутка и сейчас из коридора появятся люди и скажут, что я участвую в программе «Скрытая камера» или что-нибудь в этом роде. Но оглядев комнату повнимательнее, я заметил, что она отличается от той, в которой я только что был: здесь не было ни одного стула и окна были матовые, как будто на улице туман. Я открыл дверь в коридор. Коридора не было, а была просторная комната со столом посередине, диваном и несколькими кожаными креслами, в которых сидели люди и разго-

варивали. Они обернулись, и мы несколько секунд смотрели друг на друга. Первым встал лысоватый мужчина среднего роста. Он был одет в спортивный костюм синего цвета. На ногах у него были сандалии. Он подошел и, широко улыбаясь, протянул руку:

– Сеней, – сказал он.

Я не понял и стоял, не понимая, что мне делать.

– Меня зовут Сеней, – повторил он на чистом русском языке. – А где Асен, а где Саша? – поправился он.

Я вспомнил, что Александр Сергеевич сказал мне ждать около транспортера. Я пожал Сенейю руку и кивнул в сторону шкафа.

– Проходите, Женя, почувствуйте себя как дома. Мы тут разговаривали о том, как может сложиться дальше политическая ситуация в России. Вы политикой не интересуетесь?

Я покрутил головой.

– Познакомьтесь, – он показал на девушку, которая стояла справа от него. – Это Анна.

Девушка была совсем молодая. У нее была короткая стрижка. Приятное лицо вызывало симпатию и доверие, в больших глазах светились искорки.

– Женя, – наконец, сказал я первое слово за все это время.

Я подумал, как мне с ней поздороваться. Может быть, подойти ее поцеловать и сказать: «Привет».

Она протянула руку:

– Анна.

Мне показалась, что она немного смутилась.

– А это Ефим, – показал Сеней на второго мужчину.

Ефим был толстеньким и очень домашним. Он напомнил моего учителя литературы.

– Садитесь, Женя, куда хотите. Подождем Сашу и пойдем позавтракаем. А то я уже чувствую, как хую. Вы, я надеюсь, еще не ели?

Я пожал плечами. Волнение проходило. Я ожидал чего угодно, но не того, что увидел. Мне рисовались картины торжественной встречи, выступления перед всей планетой от лица жителей Земли, люди в стерильных скафандрах с непонятными приборами в руках.

Ефим сел и закинул ногу на ногу. Я обратил внимание, что он в тапочках на босу ногу. Анна и Сеней сели на диван.

– Мы тут говорили, – продолжил Сеней, – что в России сейчас очень интересная ситуация. Один экономический строй сменяет другой. Такое бывает очень редко, чтобы за такое короткое время одна экономическая модель сменяла другую.

– Ну почему же, – перебил его Ефим, – это не редкость.

– Не редкость, но учитывая размеры страны и скорость изменений, это уникальная ситуация. Меня в данном случае интересует не экономика, а психология. Я смотрю на эту ситуацию с точки зрения, так сказать, изменения психологии и поведения человека. Как экономический и политический строй влияет на психологию человека. Как это все влияет

на человека и на его поведение.

Ефим махнул в его сторону рукой.

– Сен, ты преувеличиваешь роль политики в формировании личности. Не толпы, а конкретной личности.

Я окончательно расслабился и обнаружил, что сижу в кресле в неестественной позе. Сев поудобнее, стал разглядывать комнату. Она была немного больше той, где стоял транспортер. Стены покрашены в приятный серо-желтоватый цвет. Нижняя часть комнаты темнее верхней. По границе цветов проходила светло-желтая полоска с рисунком в виде ромбиков. Я осмотрел стол, который по виду был сделан из черного пластика, и незаметно пощупал материал кресла, на котором сидел, и даже поковырял его ногтем. Что-то похожее на кожу. По крайней мере, на ощупь и по виду она ничем от кожи не отличалась.

– Вы всё пытаетесь упростить, – продолжал Ефим. – Изменение политической и экономической ситуации влияет на формирование личности, но вы не учитываете и другие факторы.

– Давай рассмотрим конкретные примеры, если ты не хочешь принять теорию, – положив руки на колени и наклонившись вперед, сказал Сеней. – Давай рассмотрим, как пример...

В соседней комнате послышался знакомый шум работающего транспортера, который я слышал каждое утро. Через несколько секунд в дверях появился Александр Сергеевич.

– Вы уже познакомились? – спросил он, входя в комнату. –

Тогда все идем завтракать.

Он подошел ко мне.

– Как себя чувствуете, Женя?

Я прислушался к своим ощущениям.

– Хорошо.

– Тогда пойдемте поедим. А то я целый день ничего ел.

– А мы всю ночь, – добавил Ефим.

Первым из комнаты вышел Ефим. За ним шел Сеней, продолжая что-то говорить, но Ефим уже был полностью поглощен мыслью о завтраке и на его слова никак не реагировал. Александр Сергеевич подошел к Анне и, обняв, прижал к себе.

– Вы уже познакомились? Это моя дочь.

Я кивнул.

– Всё, пойдемте, Женя, а то я голодный и сейчас кого-нибудь съем.

Мы вышли из комнаты и пошли по длинному коридору с множеством дверей.

– Это наш Центр, – обводя рукой, сказал Александр Сергеевич. – Мы на седьмом этаже. Здесь находятся транспортеры и комнаты отдыха.

Я огляделся. Вдоль коридора располагалось множество одинаковых дверей. Я даже не запомнил, откуда мы вышли. Он заметил мой взгляд.

– Не волнуйтесь. На каждой двери табличка. На тех две-

рях, куда вам можно войти, она будет светиться, и вы увидите надпись. Прошу нас понять, но на этом этаже вы можете зайти только в дверь с вашим транспортером. А больше у нас нет почти никаких секретов. Разве только те места, где появляться опасно. Но туда и мне входить нельзя – только обслуживающему персоналу. Сейчас мы поедим, а потом Анна покажет вам Центр и расскажет все, что вам будет интересно.

Мы подошли к лифту и спустились на второй этаж. Здесь было более уютно. На полу лежало мягкое, похожее на ковер покрытие. Большие окна выходили в сад. Растения издали очень напоминали земную растительность, а трава вообще по виду ничем не отличалась. Мы остановились перед дверью, на которой ровным белым светом светилась табличка с надписью: «Женя». Александр Сергеевич открыл дверь и пригласил меня войти.

За дверью оказалась настоящая двухкомнатная квартира. Пол сделан из такого же материала, как и в коридоре, стены покрашены в светло-голубой цвет, потолок белый. В целом комната напоминала обычную квартиру после евроремонта. Посередине комнаты стоял стол, за ним располагался диван серого цвета. С двух сторон от дивана стояли кресла такого же серого цвета. На окне – однотонные голубые шторы и желтоватый тюль. Во второй комнате находилась спальня с огромной кроватью. С двух сторон от кровати стояли деревянные тумбочки. В квартире была ванна и туалет. Сантехника выглядела так, что можно было подумать, что ее купи-

ли у нас в магазине «Евротехника», недалеко от моего дома. Анна и Александр Сергеевич стояли и наблюдали за моей реакцией.

– Вам нравится? – спросил Александр Сергеевич.

Я кивнул. Мне действительно все здесь понравилось. И цвет, и обстановка. Почти так я в своих мечтах представлял себе свою квартиру.

– Мы рады, – сказал он и заулыбался. – Если вас что-то не устраивает, скажите, мы переделаем. Пойдемте, Женя. А то у меня уже урчит в желудке.

Столовая располагалась на первом этаже, недалеко от моей комнаты. Она напоминала сад. Столики стояли между деревьев, которые росли прямо из пола. Ефим и Сеней уже сидели за столом. Перед ними стояла тарелка с блинами. Стол был накрыт на пять человек. Мы сели. Анна налила всем красной жидкости из графина.

– Это клюквенный морс и обычные блины, – сказала она. – У нас тут мода на земную пищу, поэтому мы обнаружили, что нам нечем даже вас угостить сегодня.

У нее был приятный мягкий голос.

– А кроме блинов ничего не нужно, – сказал Ефим и взял сразу два блина и обильно намазал их чем-то похожим на варенье. – Это луфее фто фя фе фа вфек жизнь, – сказал он, жуя блин.

Мне сначала казалось, что кусок не полезет мне в горло, но потом, распробовав блины и варенье, которое оказалось

смородиновым, я съел штук десять. Напряжение ушло, и я ощущал себя здесь как отдыхающий в санатории.

– Если вам захочется поесть, – сказала Анна, – приходите сюда. Меню у нас на русском языке. Денег не нужно.

– А у вас денег вообще нет? – поинтересовался я, облакачиваясь на спинку стула.

– Деньги – это атрибут определенной экономической системы, – оживился Сеней. – Наша экономическая система вышла за рамки денежных отношений. Это происходит всегда на определенном этапе развития общества. Наше общество достигло этого этапа...

Сен задумался, вероятно, пытаюсь вспомнить, когда именно общество достигло этого этапа.

– Денег нет, – подвела итог Анна, прервав Сеню.

Ефим доел последний блин и теперь ложкой ел варенье из общей банки. Я подумал, что совсем не так представлял себе и встречу, и людей, с которыми буду общаться. Мне представлялось, что встречу здесь серьезных ученых. Они будут делать измерения, задавать какие-нибудь психологические тесты, показывать разноцветные карточки и, качая головой, записывать ответы. А встретил приятных, симпатичных людей. Если бы я с ними встретился на Земле, никогда бы не подумал, что они от нас чем-то отличаются. Только во внешности Анны было что-то необычное. Большие глаза, обаятельная улыбка, темные волосы с короткой мальчишеской стрижкой. Я не мог назвать ее красивой, я даже не на-

звал бы ее симпатичной, но мне было приятно на нее смотреть. Она заметила мой взгляд и улыбнулась в ответ.

Александр Сергеевич забрал у Ефима банку с вареньем и встал.

– Всё, пошли. Мне возвращаться к вечеру, а у нас еще дел полно.

Мы поднялись. Ефим снова взял банку, зачерпнул еще одну, последнюю, ложку варенья и тоже нехотя двинулся вместе с нами.

– Женя, если вы не против, я расскажу немного о нашей планете и кое-что покажу, – сказал Александр Сергеевич. – Вы не возражаете, если мы поговорим в вашей комнате?

Я не возражал. С нами пошел Ефим, а Анна и Сеней ушли, пообещав зайти позже.

Мы решили расположиться в гостиной. Я и Ефим сели на диван, а Александр Сергеевич, придвинув кресло, сел напротив нас.

– Я уверен, что у вас есть много вопросов о нас и нашей планете, и как мы попали к вам. Я постараюсь кратко рассказать все, что, по нашему мнению, может вас интересовать, а потом мы ответим на ваши вопросы. Радиус нашей планеты – 100 процентов земного. Состав атмосферы практически идентичен земному. Средняя температура немного выше, чем на Земле. Об истории планеты вы можете прочитать и посмотреть. Ефим вам все покажет, – он кивнул в сторону Ефима, который дремал, прислонившись к спинке дивана.

на. – Я остановлюсь только на том, что еще двести лет назад наши цивилизации мало чем отличались. Немногим более двухсот лет назад был открыт новый источник энергии. Само пространство является особым видом энергии. Более подробно я об этом рассказать не могу. Таким образом, мы получили неисчерпаемый и дешевый источник энергии, и сейчас мы испытываем ее избыток. Энергия – основа экономики. В вашем понимании у нас коммунизм. Каждый может получить практически все, что он хочет. Правда, есть и некоторые ограничения. В зависимости от занимаемого поста человек получает соответствующее жилье, место для дома и другие льготы, но, в общем, мы можем обеспечить всех. В то же самое время был открыт новый способ передвижения, о котором вы уже знаете. Мы начали активно исследовать космическое пространство и тридцать семь лет назад обнаружили вашу планету и с тех пор там работают наши наблюдатели. Сейчас мы активно исследуем проблему контакта, и наше с вами знакомство состоялось благодаря этой программе. Вот вкратце то, что я хотел рассказать. Все остальное вы сможете посмотреть сами. Ефим покажет вам, как пользоваться телевизором. Мы подобрали всю информацию, которая, по нашему мнению, может вас заинтересовать. Теперь, что касается вас. – Он встал и подошел к шкафу, который стоял в углу комнаты, и достал оттуда два стакана и графин с жидкостью чайного цвета. Один стакан он поставил передо мной и жестом спросил, налить или нет. Я не возражал.

– А мне? – спросил спящий Ефим.

Александр Сергеевич сходил еще за одним стаканом и налил Ефиму тоже.

– Так вот, – продолжил он, отпивая из стакана, – вы побудете здесь две-три недели. Это нужно для акклиматизации. Да и вряд ли вы раньше успеете ознакомиться со всеми материалами. Потом вы можете ходить и ездить, куда вам захочется. Посмотрите материалы и наметьте, куда вам хочется попасть, с кем поговорить и что посмотреть. Вас будут сопровождать Ефим, Анна и иногда Сеней. Они будут и переводчиками.

Он потер ладонью шею.

– Что еще?.. У вас есть вопросы?

Я задумался.

– Пока нет.

– Хорошо, – кивнул он. – Тогда я вас покидаю. – Он остановился на полпути к двери. – Мой совет: не ложитесь до вечера спать, даже если будет сильно хотеться. Один раз потерпите, но зато сразу перейдете на новое время. Я оставляю вас с Ефимом. До свидания, Женя, я зайду вечером.

Он вышел. Ефим спал на диване. Мне неудобно было его будить, и я встал, чтобы осмотреть получше комнату.

– Холодильник справа, – зашевелился Ефим.

Я подошел к холодильнику. Он был встроен в шкаф и мало чем отличался от обычного холодильника. Там лежало несколько пакетов с рисунком бутерброда на упаковке, а в са-

мом низу стоял графин, наверно, с чистой водой. Подошел Ефим и взял один из пакетов. Там оказался бутерброд с мясом или ветчиной. По крайней мере, это напоминало ветчину. Ефим засунул его почти целиком в рот, и сказать мне ничего не мог, но что-то мычал и показывал на тумбочку в углу комнаты. Я подошел к тумбе и увидел, что на ней лежит тонкая плоская коробка. Ефим наконец прожевал бутерброд.

– Это телевизор. – Он открыл правую створку шкафа. Там в несколько рядов стояли коробки белого цвета с надписью на торце, как их делают на магнитофонных кассетах. Он осмотрел их и достал одну. Оказалось, что это не коробка, а просто кусок материала, напоминающий по форме мелок, которым я писал в школе на доске.

– Берем, – объяснял он, как объясняют ребенку, – кладем. – Он подошел к тумбочке и положил мелок на коробку. – Нажимаем. – Он взял с подоконника тонкую пластинку и что-то нажал на ней. Над коробкой появился экран с надписью «Планетная система». Начался фильм. На русском языке диктор рассказывал о местной планетной системе. Рассказ сопровождался видами планет из космоса. Ефим снова что-то нажал. Картина застыла на месте.

– Разберешься? – он протянул мне пульт. Пульт был очень похож на обычный пульт для телевизора или видеомангитфона. Значки на кнопках были знакомыми. Я кивнул. Ефим достал из кармана телефон.

– Это твой.

Я взял его и повертел в руках. Он был похож на обычный беспроводной телефон, но меньше и совсем тонкий, и складывался пополам так, что по размерам становился не больше проездного. На кнопках были нарисованы непонятные символы. Ефим заметил мое замешательство.

– Мы не стали менять цифры. Если захочешь кому-нибудь позвонить, то все равно, пока не знаешь язык, не сможешь разговаривать, а когда язык выучишь, то и так пользоваться сможешь. Все наши телефоны в записной книге. Нажми среднюю верхнюю кнопку.

Я нажал.

– А теперь скажи: «Ефим». Я сказал: «Ефим». На экране появились какие-то значки. Ефим достал из кармана телефон, разложил его и сказал: «Але?» Я услышал его голос из телефона.

Я не слышал, чтобы у него звонил телефон.

– А как я узнаю, что телефон звонит?

– Положи телефон в карман, – сказал он.

Я положил.

Он нажал кнопку и произнес: «Женя». В ту же секунду я почувствовал покалывание в том месте, где лежал телефон.

– Он передает сигнал прямо нервной системе, – объяснил Ефим. – Ну что, есть вопросы?

Я покачал головой, разглядывая телефон.

– Тогда смотри телевизор, а если будут вопросы, звони. Я пошел?

Я увлекся телефоном.

– А? Да, спасибо, я позвоню если что.

Он ушел.

Я сел на диван, продолжая рассматривать телефон. После бессонной ночи страшно хотелось спать, но я вспомнил слова Александра Сергеевича, взял пульт от телевизора и нажал кнопку со значком «пуск». Картинка на экране ожила. Я снял кроссовки и устроился на диване поудобнее. Фильм рассказывал про самую дальнюю планету. Мне это было не очень интересно, и я перемотал фильм, пока не начали рассказывать про следующую. Посмотрел и перемотал еще. Перемотав практически весь фильм, я взял кассету-мелок и подошел к шкафу. Строение планетной системы меня не интересовало. Фильмов оказалось действительно много: «Строение планеты», «Солнце», «Атмосфера», «Вода»... Я взял кассету с надписью «Природа», положил на телевизор и сел на диван.

Природа была во многом похожа на нашу. Реки, океаны, моря, высокие горы с вершинами, скрывающимися за шапками облаков, зеленеющие леса, бескрайние степи и пустыни с барханами и пыльными бурями, действующие вулканы, выбрасывающие потоки лавы, которые образовывали огненные реки, стекающие вниз и сжигающие все на своем пути. Были и необычные места – лес красного цвета в горах, состоящий из кустарника с красными листьями, зеленая река, которая протекала по местности, содержащей минерал зеле-

ного цвета, долина, в которой сохранилась живой древняя флора и фауна, где жили разные необычные для планеты животные. Поразили полярные сияния. Но мне не с чем было их сравнить, так как я никогда не видел их на Земле.

Я увлекся и просмотрел фильм целиком. Посмотрел на часы. Было около восьми часов вечера. Сначала я обрадовался, что можно уже лечь спать, но вспомнил, что это по земному времени. Прикинул, сколько времени здесь сейчас: если в три здесь было около восьми, значит, сейчас здесь плюс... то есть минус семь, и это будет около часа. Я перевел стрелки. Посмотрел, какие еще фильмы есть в шкафу. Выбрал «Промышленность», поставил на телевизор и снова сел на диван и нажал кнопку на пульте. Фильм начинался с рассказа о том, сколько чего производится и вырабатывается. Я уже начинал дремать, когда почувствовал, что меня кто-то трясет за руку. Мне приснилось, что я заснул на конвейере и резко поднял голову со словами: «Я не сплю». Ефим рассмеялся.

– Я так и подумал. Есть пойдем. Мы уже все собрались.

Я увидел, что в дверях стояли Анна и Сеней и улыбались.

В обед мне все-таки удалось попробовать местные блюда. Я выбрал рыбный суп, овощное блюдо, которое по-русски называлось «кабачки красные». В меню я встретил много похожих названий. Например, «картофель морской» или «огурец белый». А на десерт взял обычный творог. Дольше всех выбирал Ефим, и нам пришлось его ждать. Чтобы сде-

лать заказ, в меню нужно нажать на название блюда, которое хочешь заказать, и надпись становилась зеленой. Через некоторое время заказанные блюда появлялись на транспортере, который двигался по кругу, в одном месте скрываясь в стене, и как там появлялись блюда, я не видел. Может быть, там стояли повара, а может быть, какой-то механизм.

Рыбный суп не отличался от обычного супа из речной рыбы. Чувствовался привкус незнакомых приправ, но, в общем, суп как суп и достаточно вкусный. Второе блюдо мне тоже понравилось. По вкусу оно напоминало кабачки, только они были красного цвета.

Обед мне понравился, и я даже на некоторое время забыл, что нахожусь на другой планете. Все блюда казались совершенно обычными. Я скорее подумал бы, что попал на другую планету, пробуя блюда в китайском ресторане, чем здесь. Может быть, я никуда не улетал, а все еще на Земле? Просто эксперимент такой решили провести. Я видел фильм, где ребят отправили в космос, и они думали, что летят, а на самом деле все время находились в специальном бункере.

После обеда глаза стали закрываться сами собой, и я пошел к себе принять душ. Никаких проблем с сантехникой не возникло, и я с удовольствием постоял под горячим душем и в завершение облился холодной водой. Это взбодрило, и я чувствовал себя намного лучше. Спать, по крайней мере, больше не хотелось.

Нашел в ванной белый махровый халат и развалился

в комнате на диване, но скоро понял, что если не найду занятие, то засну. Я встал и осмотрел комнату. Исследовал шкаф. В одном из отделений нашел приготовленную для меня одежду. Размер оказался мой. Интересно, когда они меня успели померить?

Я выбрал спортивного типа штаны и майку. Посмотрелся в зеркало. Мне бы такие вещи дома и прийти в них на работу. Все бы умерли. Материал майки был похож на хлопок, а штанов – на синтетику. На нижней полке нашлись мягкие тапочки. Надев их, я почувствовал себя дома. Важно походил по комнатам и, взяв фильм о подводном мире, сел смотреть, устроившись на диване.

Мне всегда очень нравились подводные съемки и когда показывали подводную одиссею Кусто, я не пропустил ни одной серии. Фильм сразу увлек. В нем подробно рассказывалось об океанах, которых здесь было пять. Я попытался вспомнить, сколько их у нас и не смог. Кажется, тоже пять. В фильме показывали подводный мир всех океанов. Рассказ сопровождался красивейшими съемками. Животный мир был очень похож на земной. Встречались и необычные морские животные, но я не был уверен, что таких же нет на Земле.

Я так увлекся фильмом, что не заметил, как пролетело время до ужина. Спать хотелось так, что глаза закрывались сами собой. Я решил не ждать, пока за мной кто-нибудь придет, а пойти поужинать самому, потому что очень хотелось

спать, и я надеялся лечь сразу после ужина.

Я зашел в столовую и увидел, что за столиком уже сидят Сеней и Ефим. Они сидели ко мне спиной и, не замечая меня, о чем-то разговаривали.

– ...по-моему, нужно сказать сразу, – говорил Ефим.

– Пока все идет нормально. И ты увидишь, что никаких проблем не будет.

Я остановился.

– А если нет?

– Есть инструкция, и ты ее знаешь. Если знаешь, зачем спрашиваешь?

– Ну, смотри, – сказал Сеней Ефим и углубился в меню.

Я подошел и поздоровался, сделав вид, что только вошел.

– А, Женя, а где Анна? – радостно, увидев меня, спросил Ефим.

– Не знаю.

– Значит, она сейчас подойдет. Она хотела за тобой зайти.

Через минуту, улыбаясь, пришла Анна.

– А я стою стучу и жду, когда вы мне, Женя, откроете, а вы уже здесь.

Мы заказали ужин. Я не был уверен, что Ефим и Сеней говорили обо мне, но разговор меня взволновал. Что такое они не сказали? Настроение испортилось. В их разговоре не было ничего, из-за чего стоило волноваться, но имея хорошее воображение, додумать можно было что угодно. Съев ужин и пожелав всем спокойной ночи, ушел к себе. Сказалась уста-

лость последних дней, и я заснул почти сразу.

Проснулся от стука в дверь. Некоторое время я не мог вспомнить, где нахожусь. Открыл один глаз. Посмотрел на часы. Четыре. Кто там в такую рань может быть? Снова стук. Открыл второй глаз. Стучать перестали, и я снова заснул.

Проснулся уже около десяти. Я чувствовал себя отдохнувшим. На улице было уже совсем светло. Умылся и, поискав в шкафу, поставил фильм, на котором было написано «Промышленность», и сел перед телевизором.

В дверь снова постучали.

– Открыто.

Вошла Анна.

– Женя, как спали?

– Хорошо, – ответил я и потянулся.

– Ой, здорово, а я всегда на новом месте плохо сплю. Пойдете обедать, Женя?

Я удивился и еще раз посмотрел на часы. Странно, а завтрак? Но спрашивать ничего не стал. Может быть, это только вчера трехразовое питание, а теперь только обед.

– Сейчас пообедаем, и я покажу вам наш Центр. А потом зайдем ко мне, посмотрим фотографии, как все начиналось.

Я кивнул и вспомнил, что свои фотографии забыл дома.

– А я свои фотографии забыл. Может быть, съездить и взять?

Она удивленно посмотрела на меня.

– Съездить?

– Что? – я забеспокоился.

– Да нет, я хотела сказать, что у нас сегодня дел много и времени не будет.

– А разве это долго?

– Нет, не долго... но не обязательно же сегодня. Столько посмотреть нужно.

Мы пришли в столовую и сели за стол. Через несколько минут подошел Сеней. Ефим опаздывал. На него это было не похоже. Мы не стали его дожидаться и заказали обед. Ефим подошел позже. Он заказал столько, что только его блюда заняли полстола.

Суп на этот раз был похож на щавелевый. В меню он назывался «суп из морских овощей». Я ел и думал о последнем разговоре с Анной. Почему мне не нужно ехать за фотографиями? Александр Сергеевич обещал, что я могу пользоваться транспортом, когда захочу. И кто стучал в дверь ночью? Почему завтрака не было? А может быть, они мне не сказали, что я не смогу вернуться? Я почувствовал неприятный холодок.

– А когда я могу съездить домой? Я фотографии забыл и, по-моему, утюг не выключил...

Все перестали есть и посмотрели на меня. Они заметно заволновались.

– Женя, вам здесь не понравилось? – спросил Сеней, огля-

дывая всех.

– Нет, понравилось, просто там фотографии и уют, я только съезжу и вернусь и всё.

– Может быть, вас еда или комната не устраивает? – как будто не слыша меня, продолжал Сеней. – Вы только скажите, и мы все сделаем.

Они меня не отпустят назад и не собирались!

– Да нет, мне все понравилось, я только возьму и посмотрю. Мне очень нужно... я быстро. А то там что-нибудь загорится... Вдруг пожар будет...

– Женя, я попрошу папу, и он сходит к вам и посмотрит. Вы только скажите, что вам нужно и что посмотреть. Он обязательно...

– Да зачем, я и сам могу, он не найдет. И потом, как он войдет?

Тут я вспомнил, что оставил ключи в квартире Александра Сергеевича. Он сам предложил их оставить. Всё прочитали.

– Я только схожу – и обратно. Мы вместе сходить можем ко мне. – А сам подумал, что главное вернуться, а там я что-нибудь придумаю.

– Зачем вам самому? Папа все сделает. Он вечером вернется, и мы его попросим сходить, – взяв меня за руку, сказала Анна.

«И она с ними», – подумал я. Это было особенно обидно. Мне хотелось, чтобы она тоже, как и я, была жертвой. На-

пример, ее привезли сюда так же, как и меня, а я бы ее спас. Что же делать?

Наверно, по мне стало заметно, что я волнуюсь, потому что Анна встревоженно спросила:

– Вы хорошо себя чувствуете, Женя?

– Да, все нормально, – улыбнулся я, но улыбка получилась вымученная и это их не успокоило. Надо не подавать вида, что я все понял.

– Просто жалко, что фотографии забыл и утюг работает. Надо бы еще воду закрыть. Это недолго, – с надеждой проговорил я.

– К сожалению, Женя, вы не сможете уехать раньше, чем через месяц, минимум через две недели, – твердо сказал Се-ней.

«Ага, – подумал я. – Вот и то, что они мне не сказали. Через две недели, потом через два года...»

– Тогда схожу через неделю, – как можно более беззаботно сказал я.

– Может быть, папу все-таки попросить? – заботливо сказала Анна.

«Как же, попросишь ты», – подумал я.

– Да нет, Анна, не нужно. Что его беспокоить. Он не найдет.

– Тогда пойдемте, я покажу вам наш Центр.

– Нет, спасибо, я не досмотрел еще фильм.

Она вопросительно посмотрела на меня.

Никуда я с ней не пойду. Покажет она мне. Как я мог на это согласиться? Каждый год на Земле пропадают десятки тысяч человек, и никто не знает, что с ними происходит. Кажется, я теперь знаю. По крайней мере, куда пропал один человек, я знаю точно. На транспортер они меня не пустят, и это только видимость, что я могу делать здесь, что хочу. Наверняка они за мной следят. Если на транспортер я не попаду, то, может быть, постараться выйти на улицу. Хотя бы найти выход.

– Анна, я подумал, что лучше сегодня все осмотреть. Фильм я потом...

Она обрадовалась.

– Вот и хорошо.

Я встал из-за стола. Она некоторое время смотрела на меня и потом поняла, что я уже собрался идти. Я заметил, что она даже не начала есть свои овощи, похожие на помидоры.

– Ну, здесь у нас столовая, – обводя рукой, начала она. – Вот главная достопримечательность нашей столовой. – Она указала на Ефима, который слегка улыбнулся. Выглядел он озадаченно.

– Посмотрите на этот организм, – продолжила она. – Несмотря на небольшие размеры, потребности в пище поистине огромны. Но ареал его обитания ограничен, и он не представляет большой опасности. Хотя если не принимать мер предосторожности, он может попасть в квартиру и уничтожить ваши продовольственные запасы. Будьте осто-

рожны!

Я слушал все это с каменным лицом.

Она вышла из столовой в коридор. Я побрел за ней, ни с кем не попрощавшись. Мы прошли по коридору первого этажа. Анна показывала, где что находится. Зашли в спортивный зал, где были площадки для тенниса, баскетбольное кольцо, стол для настольного тенниса и различные спортивные снаряды. Я обратил внимание, что в спортзале не было ничего необычного, что бы его отличало от какого-нибудь спортивного клуба на Земле. Мне не верилось, что на другой планете все спортивные игры в точности такие же, как и у нас. Пошли дальше. Она показала бассейн. Он был огромный, метров 200, с чистой голубоватой водой. Единственным отличием от наших бассейнов было то, что здесь не пахло хлоркой.

По мрачной серой лестнице мы поднялись на второй этаж. Там располагались комнаты тех, кто постоянно живет в Центре. Комнат было много, но она показала только свою комнату, Ефима, и Сенея.

На третьем этаже располагалась библиотека. Она так это назвала. Там не было никаких стеллажей и книг. Стояли столы с встроенной клавиатурой. В библиотеке сидели несколько человек. Над их столами светились экраны. Анна рассказала, как пользоваться библиотекой. Мы сели за один из столов и над ним сразу загорелся экран с множеством надписей на разных языках. Одна из них была «русский». Она по-

крутила колесо на столе, надпись по-русски засветилась ярче. Перед нами прямо на столе появилась русская клавиатура. Дальше все было похоже на обычный Интернет. Можно поискать необходимую информацию, найти определенный фильм, заказать что-нибудь и записать найденную информацию на такие же кассеты, какие стояли у меня в шкафу.

Анна рассказывала очень увлеченно, пытаясь меня заинтересовать, но я думал совсем о другом. Главной целью осмотра для меня был седьмой этаж, где находился транспортер. Увидев, что меня библиотека мало интересует, Анна повела меня на четвертый этаж. Здесь располагались рабочие кабинеты и склад. По коридору ходило много народу. Я обратил внимание, что все разговаривают по-русски.

Мы прошлись по пятому и шестому этажу, где тоже были рабочие кабинеты. Пройдя по шестому этажу, Анна собралась идти вниз.

– А седьмой этаж? – как можно более безразлично сказал я.

Она остановилась.

– Мы же были вчера там.

– Просто хотелось все еще раз осмотреть. Я тогда ничего не посмотрел.

– Но там ничего особенного. – Она подумала. – Ну, пойдём... пойдёмте.

Мы поднялись на седьмой. Я ругал себя за то, что не запомнил дверь. Проходя по коридору, я смотрел на таблички

на дверях. Ни одна из них не загорелась. Все понятно: никто меня не отпустит. Пытаться открыть дверь смысла не имеет, они всё учли. А говорил, что я могу уехать в любое время. Интересно, что они со мной будут делать?

Анна предлагала искупаться или поиграть в настольный теннис. Говорила, что обыграет меня в два счета. Но я не поддался на провокацию, сказав, что хочу отдохнуть. Мой ответ ее расстроил и, убедившись, что общаться мне не хочется, она ушла.

Я вернулся к себе, сел на диван и задумался. Как же я так попал? Каждый человек, наверно, считает себя самым умным и смеется, когда кто-то делает глупости, и думает, что он-то уж точно ни во что такое не ввяжется, а потом сам оказывается в такой же ситуации. Меня удивляла тупость людей, играющих на улице в лотерею, а когда ко мне пришли и сказали, что они прилетели с другой планеты, тут же поверил. Кто из нас тупее, большой вопрос. Лучше бы я играл в лотерею. Я постарался расслабиться, глубоко дыша. Вроде помогло.

Я несколько минут сидел на диване, уставившись в одну точку. Мозг лихорадочно искал выход и рисовал картины того, что меня ждет, одна другой ужаснее. Мозг работал сам по себе. Я как будто наблюдал за всем со стороны, но никак не мог это прекратить. Я пытался успокоиться тем, что пока они ничего со мной не сделали. А вдруг уже сделали?! Нужно взять себя в руки, не показывать виду, что я волну-

юсь. Я включил телевизор и сделал звук громче. Фильм продолжил рассказывать о промышленности. Говорилось, что на планете не осталось ни одного завода. Все они переведены на спутники, один из которых естественный, и шесть – искусственные. Там же находились энергетические установки, а энергия передавалась таким же способом, как и переброска людей в транспортерах, но в этом случае существовал постоянный канал. Такой способ позволял передавать энергию без потерь. Таким образом, планета использовалась только для житья. Это позволило значительно улучшить экологию по сравнению с временами, когда на планете была сосредоточена вся промышленность.

Я встал и походил по комнате. Подошел к двери и прислушался. Идея выйти на улицу не оставляла меня. Хотя выхода я нигде не видел, но решил, что смогу его найти. Должен же он где-то быть. Когда мы осматривали Центр, я ничего не стал спрашивать у Анны, чтобы она не насторожилась. Немного приоткрыв дверь, я выглянул в щель и сразу закрыл. В коридоре на диване сидел Ефим и с кем-то разговаривал по телефону. Следят. Я решил, что днем вряд ли смогу уйти незамеченным. Нужно дождаться темноты.

На часах было уже около семи вечера. Я сел на диван и досмотрел фильм до конца. К восьми пришел Александр Сергеевич. Он казался озабоченным или уставшим.

– Как дела, Женя? – наиграно бодро спросил он.

– Все нормально.

– Мне Анна сказала, вы что-то забыли дома?

– Да, я там фотографии оставил, уют, наверно.

– Женя, я проверил. Ваш счетчик электроэнергии показывает, что у вас выключены все приборы, и вы можете не волноваться.

Вот гад, подумал я.

– Спасибо, а то я думал, что забыл.

Я изобразил облегчение на своем лице и, похоже, мне это удалось.

– Женя, вы пойдете на ужин?

Сначала я хотел отказаться, но потом подумал, что это будет подозрительно, и мы пошли в столовую, где уже сидели Анна, Ефим и Сеней. Все выглядели озабоченными, но старались это скрыть. Я ткнул в первую попавшуюся строчку в меню. Когда Анна мне принесла блюдо, я даже не помнил, что заказал. Блюдо оказалось таким вкусным, что я забыл о своих волнениях. Оно было похоже на мясо крабов, но обладало специфическим привкусом. Я съел всё и старался вспомнить, глядя в меню, что я заказал. Спрашивать у них я ничего не хотел. Но Анна мне помогла. Увидев, что блюдо мне понравилось, она сказала, что тоже очень любит «месо». Я сразу нашел строчку в меню – «месо в собственном соку». Ткнул в нее. Ефим заметил, что я заказал.

– Терпеть не могу, – сказал он, перекосив лицо. – Вы их видели? И не советую. Это...

– Ефим! – остановил его Сеней. – Дай Жене поесть.

Анна хотела сходить за моим «месо», когда блюдо появилось на транспортере, но я встал и взял его сам. Вторая порция показалась мне еще вкуснее, как бы они ни выглядели.

Александр Сергеевич рассказывал последние новости с Земли. Говорил, что Дума хочет снять президента, а президент – Думу. Президент сказал, что если его снимут, он не собирается уходить, а Дума сказала, что если ее распустят, она не собирается распускаться. Все вяло посмеялись. Сказал, что организовали новый банк, в котором предлагают пятьсот процентов годовых, и народ туда валом валит. Занимают очередь с вечера.

– Может, и нам вложить и воспользоваться всеми преимуществами развивающейся экономики? – то ли пошутил, то ли предложил Сеней. – Экономика переходного периода – очень рискованная почва для бизнеса, но она и приносит самые большие прибыли.

Он оглядел всех, но разговор никто не поддержал, и никто даже видом не выразил свое одобрение или несогласие.

Доев «месо» и попив чаю, я попрощался и ушел к себе. Они меня начали раздражать и находиться с ними рядом мне совсем не хотелось.

Поставив новый фильм и включив погромче телевизор, я сел на диван. Вечером я собирался выбраться отсюда. Фильм рассказывал об истории планеты. Говорилось о том, как хорошо здесь жить. Он напомнил мне наши старые фильмы,

где все были счастливы и довольны жизнью. Рассказывалось о том, как раньше было плохо. Еды не хватало, и люди боролись за существование, но после того как появился новый источник энергии, все изменилось. Не сразу, но жизнь нормализовалась, и когда сменилось поколение, полностью исчезла преступность. Новая экономика сделала нового человека. Исчезла необоснованная агрессия, исчезли стрессы, человек смог больше уделять внимания духовной жизни. Люди начали заниматься творчеством, а не тратить всю свою жизнь только на то, чтобы обеспечить себе и своим детям кров и питание. Человек преобразился и забыл ненависть, зависть и злобу. Любовь и взаимная поддержка стали нормой для людей. И дальше все в таком же духе. Мне почему-то было противно это все слушать. Я выключил телевизор и несколько минут просидел в тишине. Но вспомнив о конспирации, снова включил телевизор. Там продолжался рассказ об изменениях, которые произошли на планете. Дальше фильм рассказывал о людях, которые внесли наибольший вклад в развитие науки. Мелькали лица с рассказами об их вкладе в науку.

Досмотрев фильм до конца, посмотрел на часы. Было около двенадцати. Я выглянул за дверь. Никого не было. Прислушался. В коридоре тишина. Я вышел и постоял у двери пару минут. Вроде никого. Стараясь идти как можно тише, спустился на первый этаж. Огляделся, но двери не обнаружил. Я пошел вдоль коридора. Таблички на дверях загора-

лись, когда я подходил к ним достаточно близко. Я заглянул во все комнаты. Верить тому, что было написано на табличках, было нельзя. Двери на улицу не было. Один раз мне показалось, что я ее нашел, но оказалось, что это вход в сад, который выхода на улицу не имеет. Это я понял, только прогуляв по нему около часа, обойдя его по периметру стены. Один раз услышал, что кто-то идет и не нашел ничего лучше, чем отлежаться в кустах какого-то колючего растения. Вылезая, я поцарапал себе руку.

Из сада снова вернулся в коридор. Дойдя до конца коридора, я решил идти на второй этаж. Таблички на втором загорались тоже на всех дверях, но заглядывать я не решался, так как помнил, что это все жилые комнаты. Я только останавливался у двери и читал надписи. Где-то загоралось имя жильца, а где-то табличка просто светилась белым цветом. Наверно, это были незанятые комнаты. Нигде ничего похожего на выход. Подойдя к одной из дверей, я услышал знакомый голос. На табличке было написано «Ефим», но голос был Сеня. Он опять о чем-то спорил. Я уже собрался уходить, как услышал свое имя. Я остановился прислушиваясь. Разобрать все было невозможно. До меня долетали только обрывки фраз:

– Ты неправ, – говорил Ефим. – Ты склонен все преувеличивать. Опасность не так велика, как ты себе воображаешь. Дай время...

Дальше он, очевидно, ушел вглубь комнаты, и окончания

фразы я не понял.

– Зачем нужны лишние волнения. Мы ему все...

– Да я вообще не вижу смысла во всем этом. Он же взрослый человек, что он...

– ...в каких условиях они живут. Это же каменный век.

Естественно, это не может...

– ...себя посмотри, что сам ты...

– ...я был там и видел... и это может вызывать злость и недоверие... Они же за еду в очереди дерутся, и убить могут. Там за сто рублей убивают, а ты говоришь, что я переоцениваю опасность...

– ...не об этом, а о том, что нужно было бы сказать. И я не понимаю, как это относится к тому, что ты говоришь...

– ...если не понимаешь. Да он вообще может быть опасен, а ты хочешь рассказать, что мы...

– ...опасное животное, которое не кормят, а когда...

– ...оставим...

– ...быстрее, пока...

Очевидно, они далеко отошли от двери, и я, как ни прислушивался, не мог больше понять, о чем они говорят. Значит, я животное... Та-ак.

Я вернулся домой и, плюнув на всё, лег на кровать и, не раздеваясь, уснул тяжелым беспокойным сном.

Мне снились, что я лежу на столе, а надо мной склонились несколько человек в белых халатах. Я лежу и не могу пошевелиться, а они светят на меня фонариками на головах

и тыкают в разные места пальцами в черных перчатках.

Утром я чувствовал себя не очень хорошо. Была небольшая слабость. Я взглянул на часы. Часы показывали какую-то ерунду. Я немного полежал. Вставать совсем не хотелось. Ломило ноги, и болела голова. Мысли путались, и я так и не смог придумать план на сегодня. Выход на улицу искать не имело смысла. Он либо спрятан, либо его хорошо охраняют. Скорее всего, и то и другое. Я встал. Голова немного кружилась. Ну что же, они думают, я их буду просить и плакать. А вот фиг им. Я сделал фигу и, направив ее на дверь, покрутил. Вот вам. В дверь постучали. А, пришли.

– Да, – сказал я.

Вошла улыбающаяся Анна.

«И ты тоже с ними, они сделали правильный выбор. Тебя я трогать не буду».

– Женя, пойдемте завтракать. – У нее было хорошее настроение, и искорки в глазах сегодня светились по-особенному.

– Как вы спали?

– Хорошо спал. Отлично! Замечательно!

– Это хорошо! Вы, наверно, много путешествуете и привыкли к переездам? Пойдем завтракать. – Она махнула рукой в сторону двери.

Я, пошатываясь, пошел за ней.

За столом сидел только Ефим и уже набрал себе целую

гору блинов. Я посмотрел на блины. Меня подташнивало. Но я не подал никакого вида. Заказал тоже блины и, глядя в одну точку, ел их, не запивая чаем.

– Как спал, Женя? – спросил Ефим в перерыве между поглощением блинов.

– Никогда не спал лучше.

– Да? – он поднял брови и посмотрел на меня.

– Угу, – сказал я, машинально засовывая очередной блин в рот.

– Ну хорошо, – он смотрел на меня. – Вам нужно к врачу сходить.

– Нет! – слишком громко сказал я. И уже тише добавил: – Мне не нужно. Я совершенно здоров.

Он покачал головой.

– У меня дела, до свидания, Женя. Анна, пойдем со мной. Анна нехотя встала и пошла за Ефимом.

Я обратил внимание, что Ефим не доел свои блины, а у Анны был еще полная чашка чая.

Я тоже не остался в столовой и вернулся к себе в комнату. Я придвинул диван к входной двери, за ним поставил кресла и тумбочку в ряд так, что вся конструкция уперлась в стену. Попытался сдвинуть шкаф, но он не поддавался. Нужно было какое-то оружие. Я взвесил в руке телевизор. Нет – он не тяжелее небольшой книги. Оглядел комнату. Палка, на которой висят шторы, может подойти. Я схватил шторы и повис на них. Держат. Я отошел подальше и дернул на се-

бя. Гардина с треском упала у моих ног. Она оказалась легкой, но прочной. Пойдет. Голова кружилась. Я лег на кровать и услышал, что кто-то стучится. Дверь пытались открыть. Ага, пришли, шакалы. Фиг вам. Дверь начали ломать, но диван и кресла держали. Я улыбнулся. Дышать стало тяжело. Отравили все-таки. Зря я завтракал. Но они просчитались. Пока откроют, я уже умру. Это меня обрадовало. Голова гудела. Казалось, что если кто-то подойдет ко мне поближе, тоже услышит этот гул. Дверь затрещала и сломалась. Не вставая с кровати, я кинул в образовавшуюся дыру палку. Кто-то сдавленно вскрикнул. Попал! Из дыры в комнату лезла размытая тень. Я пошарил руками по кровати – чем бы кинуть? Зря палку выбросил. Когда тень приблизилась, я поднял ноги и ударил ее в район живота. Боялся, что ноги пройдут сквозь нее, как сквозь туман, но тень отлетела к шкафу и упала на пол. Сверху из открытой створки что-то посыпалось. Кто-то наклонился надо мной и схватил за руки. Я расслабился, давая понять, что не буду сопротивляться, и резким движением освободив одну руку, ударил кулаком в пространство надо мной. Снова попал. Удар получился неожиданно сильным, но я даже не почувствовал боли в кулаке. Сил не осталось даже на то, чтобы повернуться на кровати. Неужели это всё? Перед смертью нужно вспомнить свою жизнь. Я задумался. Вспоминать было нечего. Зарабатывал, в общем-то, неплохо, хорошо, в общем, жил, но сейчас это меня мало волновало. Все, что я считал важным в жизни, ка-

залось мелким и незначительным. А что важно, что важно, что нужно было делать? Я понял, что самое важное в жизни – это мой детский зеленый мячик. Про него вспоминать было приятно. Зеленый мячик, вот к чему должен стремиться человек. Это главное в жизни! Я разгадал загадку жизни и ее цель – зеленый мячик. А вот и она, смерть, наклонилась надо мной. Она похожа на Анну. Это еще одна цель в жизни. Анна и мячик. Я улыбнулся. Я раскрыл тайну жизни, и умирать стало не страшно.

– Анна и мячик, – сказал я.

Белый потолок. Резкость не настраивается. В глазах что-то липкое. Поморгал. Немного помогло. Потолок приобрел на мгновение резкость и снова расплылся в серо-белый туман. Я повернул голову. Из тумана проступали очертания каких-то предметов. Комната не моя. Я попытался вспомнить, что произошло. Последнее, что помнил, это как гулял ночью по саду. Наверно, что-то произошло там. Что? Я совершенно ничего не помнил, что случилось после. Всплывали только обрывки воспоминаний, которые были сами по себе, как сон, который не помнишь, с чего начался и чем закончился. Я помнил, как ел блины, как повис на шторах... это просто бред, подумал я и заснул.

Когда я проснулся снова, то чувствовал себя значительно лучше. В комнате кто-то был. Я повернул голову. На стуле рядом с кроватью дремала Анна. Она была похожа на ангела.

Я не хотел ее будить, но она сама открыла глаза и посмотрела на меня.

– Женя! Как вы себя чувствуете? – с волнением в голосе спросила она.

– Спасибо, хорошо. А что случилось?

– Вы ничего не помните?

– Я помню, как гулял в саду... потом ничего.

– В саду? – удивилась она. – Тогда все понятно...

– Что понятно? Мне как раз ничего не было понятно.

– Понятно, где вы укололись гуо.

– Что такое гуо?

– Это такое растение. Из него у нас раньше делали наркотик. Он того же типа, что и тот, что у вас получают из конопли. Это мне папа сказал. У вас он вызвал нетипичную реакцию. Скорее всего, это было связано с акклиматизацией. Когда вы приехали к нам, у вас не было иммунитета против наших вирусов и бактерий. Вам папа давал специальный препарат, который усиливает иммунитет, и вы в легкой форме болели. Могли даже не почувствовать, но легкое недомогание обычно бывает. Вы приобретаете устойчивый иммунитет примерно за две недели. Именно поэтому вы не должны уезжать раньше. Может быть, из-за того, что ваш организм был ослаблен, и была такая реакция на гуо. Мы сделали анализ, и оказалась, что в вашей крови есть наркотик, а потом заметили, что у вас рука поцарапана. Вы поцарапались, когда гуляли в саду?

Я вспомнил, зачем ходил в сад и как лежал в кустах. Рассказывать это не стоило. Тем более что теперь понятно, почему они не хотели меня отпускать. Сами виноваты – сразу говорить нужно было.

– Я не мог заснуть и пошел прогуляться в сад, – соврал я.

– А я все думала, когда вы могли туда попасть. – Она опустила глаза. – Извините нас. Вы приехали к нам в гости, а тут такое... и мы вам не сказали, что вам нельзя сразу уезжать. Но это потому, что иммунитет еще полностью не справился с вирусами и вам необходимо быть под постоянным наблюдением. Кроме того, вы можете заразить там кого-нибудь.

Она помолчала.

– Вы уедете?

Я не знал, что ответить. Когда я гулял по саду, единственное в жизни, что мне было нужно, это попасть снова домой. Мне хотелось вернуться. То, что она рассказала, все объясняло, но я уже не доверял им полностью. Самое простое было бы вернуться и забыть про всё.

– Не знаю. Да, наверно, уеду.

Она покивала головой и смотрела в пол.

– Сколько я лежал?

– Три дня. Вы сможете уехать через неделю. Раньше никак нельзя. Вы не должны уезжать раньше. Простите, что мы не сказали вам. Но это уже скоро.

Я кивнул и почувствовал облегчение. Уехать и про всё забыть.

– А у вас больше не делают наркотик из гуо? – поинтересовался я.

– Нет, больше не делают. Они никому не нужен.

– И что, никто не употребляет наркотики?

– Нет. Наркотики употребляют, чтобы пережить стресс, когда не удовлетворены жизнью...

– Что, у вас нет стрессов и все удовлетворены жизнью?

– Нет стрессов и все довольны. Наркотики просто не нужны. У нас очень хорошо. Вы просто еще ничего не посмотрели.

– Да я верю, что у вас хорошо. Но у нас в Америке тоже, говорят, неплохо, но наркотики там употребляют, как и у нас, и не только бедные люди.

Я поудобнее сел на кровати. Голова уже не кружилась.

– Наркотики употребляют от неудовлетворенности жизнью. У нас нет богатых и бедных, нет зависти и злобы к другому человеку, нет жестокости, нет всего того, что заставляет людей употреблять наркотики на Земле.

– Я в раю? – попытался пошутить я.

Анна улыбнулась.

– У нас тоже был такой миф о рае. Нет, просто у нас другие условия жизни. Человек не испытывает постоянного стресса. Ему не нужно бороться за существование и за кусок хлеба. Это изменило людей. Они не испытывают злобы и агрессии к другим людям и не ощущают злобу и агрессию со стороны других людей. Отсутствуют причины, чтобы принимать

наркотики.

– Но есть же наркотики, к которым привыкают практически сразу, и потом люди просто не могут без них обходиться.

– Мы такие наркотики давно уничтожили. Вообще, говорят, есть люди в горах, которые не принимают наше общество и, говорят, у них есть наркотики.

– В горах? А что они там делают?

– Они ушли от цивилизации и создали там автономную общину. Я про них ничего не знаю, но слышала, что они там делают такие вещи, что я даже рассказывать не хочу...

– Хм, может, у вас и секса нет, – я улыбнулся. Что-то мне это все напоминало.

Она смутилась и, не смотря на меня, ответила:

– Почему нет. Есть.

– И много людей ушли в горы?

– Нет, я не знаю точно, но не много. У меня один друг, с которым мы вместе учились, ушел туда. Я так переживала. Ничего не знаю, что с ним сейчас.

Понятно. Друг значит у нее.

– А у вас много людей принимают наркотики? – спросила она.

– Много, – односложно ответил я и демонстративно лег на подушку. Пусть у своего друга спрашивает.

– Женя, вы, наверно, устали? Я вам через час принесу ужин. Вы будете кушать? – уже вставая, просила она.

Я закрыл глаза и ничего не ответил. Анна ушла. Нет, она

не симпатичная. Я себя знаю. Если женщина внешне не нравится, то что бы ни происходило, никаких чувств не возникает. Даже если девушка, как говорит моя мама, хорошая. Сам иногда думаешь – что еще нужно-то, и сам на себя злишься, но себе не прикажешь. Не хочется быть с ней откровенным. Она начинает во всем раздражать, и чтобы она ни делала, все не нравится. Любовь вообще очень странная вещь. Невозможно ничего рассчитать. Ведь бывает не только так, что хорошая девушка не нравится и непонятно за что, но и наоборот: девушка нравится, но ясно, что она стерва. Да, любовь добра, полюбишь и бобра.

Анна принесла ужин. Она сидела рядом и смотрела, как я ем. Оказалось, что за три дня я сильно проголодался. Я молча съел ужин, выпил компот, поставил на край кровати пустую посуду, не сказав спасибо, лег на кровать к ней спиной. Она посидела несколько минут и, забрав посуду, ушла. Мне страшно хотелось поесть еще и поговорить с Анной.

Утром я проснулся совершенно здоровым. Полежал немного и встал с кровати. Чувствовалась небольшая слабость, но аппетит был хороший, а это явный признак выздоровления.

Я походил по комнате и нашел в шкафу белый халат. Примерил и решил, что этого будет вполне достаточно, чтобы дойти до своей комнаты и переодеться. Я вышел в коридор и сразу узнал первый этаж. Здесь я перед болезнью все хо-

рошо исследовал. Я усмехнулся, вспомнив, как ходил ночью в поисках выхода. Да, кстати, а где все-таки выход? Нужно спросить. Придя в свою комнату, я нашел в шкафу одежду. Посмотрел на часы, которые лежали на тумбочке. На часах было три. Что-то, наверно, с ними случилось. Я уже давно заметил, что они показывали что-то не то.

В комнату буквально ворвался Ефим, и несколько секунд мы удивленно смотрели друг на друга. Я все еще был в белом халате.

– Очень кушать хотелось, – сказал я.

Ефим облегченно вздохнул и усмехнулся. Потом, немного подумав о чем-то, засмеялся снова и через некоторое время он уже стоял, наклонившись от смеха вперед, держась за ручку двери, всхлипывая и сотрясаясь всем телом. В дверях появился озабоченный Сене́й. Он смотрел на нас, переводя взгляд с меня на Ефима. Ефим оглянулся на Сенея и рассмеялся еще громче. Глядя на него, невозможно было оставаться спокойным, и мы с Сене́ем невольно стали посмеиваться. Через несколько секунд смеялись все. Остановиться я уже не мог, но меня не покидала мысль, а что смешного? От этого стало еще веселее.

Я переоделся. Ефим с Сене́ем ушли в столовую, так и не сказав, почему они смеялись, а я спрашивать не стал, но догадывался: они пришли в мою палату и не нашли меня там. Я начал кое-что вспоминать, например, как срывал шторы и запер дверь диваном, понимая, что, наверно, они

тоже не очень мне теперь доверяют. Что было проще подойти и спросить их тогда, почему мне нельзя уехать, а им сказать мне обо всем сразу? Мы сами себе создаем проблемы, а потом героически их преодолеваем, борясь друг с другом, когда на самом деле вся проблема была в нескольких фразах. «Кстати, почему за мной сегодня не пришла Анна? – подумал я по пути в столовую. – Ну и не нужно».

В столовой я ее тоже не нашел. Там сидели Сеней и Ефим и о чем-то оживленно разговаривали. Как только я подошел к столу, они разговаривать перестали. Я сел и, глядя в меню, небрежно спросил, где Анна. Ефим ответил, что у нее сегодня дела, и она будет к обеду. Больше я интересоваться не стал, потому что мне было совершенно все равно, что у нее за дела. Когда мы поели, Ефим посоветовал мне пойти поспать. Он сказал, что все идет нормально, но было бы лучше, если бы я полежал сегодня у себя. Так адаптация пройдет быстрее. Но я и не возражал. Слабость еще чувствовалась, и я уже немного устал. Поэтому, придя домой, сразу заснул и проспал до обеда.

Ко мне снова вернулось ощущение, что я провожу отпуск в санатории. Я принял душ и сел перед телевизором ждать обеда. Поставил фильм о новейшей истории планеты. Я старался смотреть его очень внимательно, но через несколько минут понял, что не могу сосредоточиться. Я думаю об Анне. Мне хотелось ее увидеть. Когда она приходила, я ее не замечал, а когда не было, скучал. В дверь постучали. Я сделал

серьезное лицо.

– Да.

В дверях стояла Анна. Сердце екнуло и замерло. Я отвернулся в сторону телевизора и уставился на экран, который представлял собой движущуюся мозаику. Мозг был занят совершенно другим. Не было ни одного свободного нейрона, который бы не думал об Анне. Нечем было воспринимать фильм.

Анна постояла немного в дверях.

– Женя, я вам мешаю? – спросила она и уже начала закрывать дверь.

– Нет, – как можно безразличнее старался сказать я, но ни одну из букв слова «нет» не смог выговорить правильно.

Она остановилась.

– Что?

– Нет, – по буквам сказал я.

– Женя, вы скоро сможете уехать, – сказала она и закрыла дверь, а я так и сидел на диване. Ни один нейрон до сих пор не освободился. Я просидел так до конца фильма. Если бы мне прямо сейчас поставили этот же фильм и сказали бы: «А теперь посмотрите фильм об истории», то, досмотрев до конца, я даже не подумал бы, что когда-нибудь в своей жизни его видел. Я не знал, как это чувство называется. Любовь я представлял себе совершенно по-другому. Любовь – это когда с человеком хочется лечь в постель. А сейчас эта мысль, наоборот, что-то портила. Чувство было совсем

другое. Я вдруг с удивлением подумал, что намного большее удовольствие доставило бы то, что она просто сидела бы здесь рядом, и я держал бы ее за руку. И всё! Мне ничего больше было не нужно. Это было настолько необычно, что я не мог понять, как такое чувство можно назвать.

Я представил себе, как мы действительно живем вместе, ходим по магазинам, постоянно видим друг друга, работаем, и всё прошло. Я потряс головой. Нет, она мне не нужна. Это от одиночества. Я вернусь домой и забуду ее. Я лег на диван и снова заснул до ужина, а после ужина – до завтрака.

Утром я почувствовал, что полностью здоров и решил заняться спортом. Придя на завтрак, напомнил Анне о том, что она меня обещала обыграть в настольный теннис. Она от своих слов не отказалась и обыграла меня во всех партиях, которые мы сыграли до обеда. Правда, под конец я разыгрался, и счет последней партии был минимальный. После обеда договорились о матче-реванше, в котором она опять выиграла все партии. А когда я уже не мог больше держать ракетку в руках, мы пошли искупаться. Вода была слишком теплая, но все равно поплавать вдвоем в таком большом бассейне приятно. Я спросил ее, почему никто больше не купается? Оказалось, что если кто-то хочет искупаться, едет на море. Попасть в любое место можно почти мгновенно. И мы тоже можем через неделю съездить, когда закончится карантин. Я ничего не сказал, но уже знал, что никуда не уеду отсюда.

Вечером мы сидели у нее, пили чай и за один час успели рассказать друг другу о своем детстве, родителях, учебе, друзьях... а когда час прошел, оказалось, что мы проговорили всю ночь. Спать не хотелось совершенно, и Анна меня учила играть в большой теннис, где я не только ни разу не выиграл, но и не попал по мячу. Так прошла неделя моего карантина. Лучшая неделя моей жизни. Такие подарки судьба делает нечасто, но случается, что так она просто дает отдохнуть перед серьезными испытаниями и трудностями в жизни.

Александр Сергеевич заходил по вечерам. Интересовался, как мои дела. Сначала он радовался, что мы ближе познакомились с Анной, но потом это стало его волновать. Один раз я слышал, как он говорил ей, чтобы она была осторожна со мной и что она должна учитывать, где я до этого жил и как. Анна начала возражать, и он рассказал о старике, которого я толкнул, когда стоял в очереди. Мне не было обидно за то, что он рассказал ей это. Пусть знает. Я действительно сильно от них отличался, и жизнь здесь и на Земле была абсолютно разная. Там, дома, была не жизнь, а борьба за жизнь. Я здесь часто за собой замечал, что мне хочется пройти в столовую первым, взять быстрее меню, хотелось сразу заказать два блюда, чтобы они не кончились, если мне захочется еще. И думаю, это было заметно и остальным. Особенно напряженно у нас сложились отношения с Сенеем. Он не доверял мне после того случая и совсем и не скрывал этого. Несколько раз мы с ним спорили, но я и сам чувствовал,

что он во многом прав. Чем больше я здесь жил, тем больше видел разницу в жизни здесь и там.

Я не чувствовал постоянного напряжения, которое не замечаешь, находясь у нас. К нему привыкаешь, и оно кажется нормой, но оно не дает расслабиться и отдохнуть. Отдыхая, ты все равно думаешь о том, как бы не потерять работу, что купить, где найти денег на одежду, а если уезжаешь отдыхать, считаешь каждую копейку и волнуешься за свою пустую квартиру. Борьба за жизнь не оставляет времени на что-либо другое.

Меня окружали добрые, приятные люди, но их доброта и внимание заставляли меня чувствовать себя не таким, как они. Я жил на Земле в окружении таких же людей, как и я, и не замечал ничего этого, но здесь это стало очевидным и особенно заметным. Дело было даже не в том, что они на меня смотрели как на представителя другой цивилизации. Нет. Может быть, они и смотрели на меня так, но я этого не ощущал. Я сам смотрел на себя как на представителя другой цивилизации, другой культуры, как на дикаря, чувствовал, что отличаюсь от этих добрых, приветливых людей, постоянно ощущая, что я не такой, как они.

Я постепенно вспоминал, что происходило после того, как забаррикадировался в своей комнате. Понял, почему Ефим ходил некоторое время с огромным синяком под глазом, а Теосу, врачу, который вошел в комнату вторым, я сломал ребро. После этого случая он предпочитал со мной не встре-

чаться. Почему я это сделал? Откуда это все во мне, зачем? Как можно доверять человеку, который может просто так дать в глаз или сломать ребро? Я перестал доверять сам себе. Мне иногда казалось, что ничего о себе не знаю.

Может быть, я стал относиться к себе слишком критично? Иногда замечал в себе раздражение, агрессию, иногда жадность. Это казалось нормой на Земле, но здесь было совершенно неуместным, инородным.

Мне хотелось измениться, но смогу ли я стать таким же, возможно ли измениться или это уже в генах, в моей природе, в мозгах, думал я. Был фильм о том, как робот понял, что он не человек и хотел им стать. Я чувствовал себя так же. Мне хотелось стать таким же, как и они. Хотя были и изменения. За две недели я отдохнул и поправился. Спать стал намного лучше, и сны снились совсем другие. Не такие, как на Земле, заставляющие вскакивать среди ночи, не понимая, где находишься, а яркие и оставляющие наутро ощущение радости и спокойствия, но мысли о том, что я сделал, не покидали меня.

– А, Женя! – обрадовался Окен. Окен работал в Центре. Мы с ним подружились больше всего. С его лица не сходила обаятельная располагающая улыбка. Ко мне он сразу стал относиться очень внимательно. Почти по-отцовски. Если у меня было плохое настроение, я шел в гости к Окену.

– Что у тебя опять? – традиционно спрашивал он.

Мне хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями. Окен подходил для этого лучше всего. Он всегда безошибочно замечал мое настроение.

– Пойдем ко мне. Я тебя таким чаем угощу!

– Ну как? – спросил он, следя за мной, как я отпиваю из маленькой чайной чашечки.

Чай оказался ароматным, с привкусом, который мне напоминал вкус мятной жвачки. Чтобы его не обидеть, я сделал вид, что ничего вкуснее не пробовал. Он удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

– Это мне друзья доставили. Они мне всегда что-нибудь привозят. У тебя много друзей дома?

– Да нет, не очень, – подумав, ответил я.

– Ну, теперь будут и там и здесь. Не у многих есть друзья на двух планетах. Может быть, здесь даже больше друзей будет, чем дома.

Я пожал плечами.

– Ты не согласен? – увидев мои сомнения, спросил он.

– Не, знаю, может быть.

– Почему может быть? Они у тебя здесь уже есть.

Я задумался. Кто мог быть здесь моим другом. Окен? Да, наверно. Анна... не знаю, по-моему, она меня побаивается. Ефим... я ему дал в глаз, как после этого он может ко мне относиться, Сеней – он меня терпеть не может, Александр Сергеевич... нет, остальные – я не так хорошо с ними зна-

ком. Оставался один Окен.

Он заметил мои колебания:

– Ну что еще? Ты все не можешь забыть то, что случилось?

Сколько можно об этом думать.

– Да понимаешь, само думается.

– Не ты первый. – Он поудобнее уселся на кресле и нахмурил брови. – Мы уже с тобой говорили, но я хочу сказать тебе еще раз. Во всем, что произошло, ты не виноват. В твою кровь попал наркотик, но самое главное – это то, в каких условиях ты жил. Не нужно постоянно себя винить. Они, эти условия, определяли твое...

– Да, наркотик попал, но это же все делал я, а не наркотик.

– Да, это все делал ты, но под действием наркотика. Конечно, в основе твоего поведения лежат стандартные реакции. Какие они могут быть в условиях того мира, в котором ты живешь. Жестокость воспитывает жестокость, страх воспитывает страх... В условиях вашего мира невозможно жить по-другому, но теперь ты можешь жить иначе...

– Но ничего же не изменяется, я не ощущаю никаких изменений. Понимаешь?

Он сидел на кресле, вытянув ноги.

– А ты хотел преобразиться за день? Все придет со временем. – Он подмигнул. – Тебя здесь все любят и понимают, откуда ты приехал. Жизнь на Земле сделала тебя таким, какой ты есть, а жизнь здесь сделает со временем таким же, как мы. Будь добрее к людям, внимательнее и знай, что здесь

никто не хочет тебе зла. Ни один человек здесь не хочет зла другому, и тебе станет легче принять людей. Знай, что нечего бояться, и страха не будет. Ни у кого нет цели тебя унижить или показать, что ты хуже, чем есть на самом деле. Ты же все можешь. Но ничего не произойдет сразу. Нужно время, нужно время.

Окен знал, как успокоить.

После разговора с Океном я чувствовал себя, как всегда, намного лучше. Он заражал меня своим оптимизмом и уверенностью в лучшем, внушал мне веру в самого себя, казалось, все теперь будет по-другому.

На ужин я пришел, улыбаясь, шутил, говорил комплименты Анне, вспомнил несколько старых анекдотов, а после ужина пригласил всех, даже Сеня, к себе на чай.

17 Дней

Прошло семнадцать дней с тех пор, как я сюда приехал. Они пролетели, как пролетают дни в детстве. Каждый прожитый день приносил новые знания и ощущения и, ложась спать, хотелось встать на утро пораньше, чтобы снова вернуться к делам.

Прошли последние тесты, и Александр Сергеевич разрешил выходить на улицу либо уехать домой. Я решил остаться. Домой уже даже не тянуло.

Мы вышли с Анной первый раз на улицу утром на восемнадцатый день моего пребывания в Центре.

Я, наконец, погулял по обычной зеленой травке под солнцем. Улица была видна через окно и ничего необычного, как и предполагал, я не нашел, но сам факт свободы, травы под ногами, неба с редкими облаками, солнца, прохладного ветерка давал ощущение, которое невозможно ощутить, находясь в доме. Выход оказался на первом этаже и выглядел как обычное окно. Сверху висела табличка, которую сложно было не увидеть, но я ее здесь даже не искал. Мы обошли Центр вокруг, погуляли в саду и сходили в лес. В лесу меня удивил запах. Он был совершенно такой же, как в нашем лесу. Некоторые деревья были похожи на наши, некоторые отличались. Стояли деревья, напоминающие березы, с совершенно белым стволом, дубы и деревья, похожие на баобабы, ли-

аны, которые можно у нас видеть только в тропических лесах, рос огромный папоротник, трава в рост человека, летали насекомые, которых рассмотреть не удавалось. Жужжа, пролетела пчела. Обычная пчела. Я спросил у Анны, не привезли ли они их от нас, но она сказала, что ученые сами были поражены, что один и тот же вид развился на двух разных планетах. Со всех сторон слышалось пение птиц, но и оно было обычным, по крайней мере, для леса нашей средней полосы. Мы шли, и Анна рассказывала о растениях, которые мы встречали. Сквозь дымку пробивались лучи солнца, создавая серебряные нити, проходящие сквозь листву, лианы, опутывающие огромные папоротники и неизвестные деревья, похожие на баобабы. Всё это создавало ощущение сказочного леса. Анна выглядела в этом лесу добрым эльфом. Мы ушли так далеко, что не успели на обед, и пока возвращались обратно, Анне кто-то звонил несколько раз, на что она отвечала в трубку: «Нормально». Наверно, это был Сенея, который волновался, как может повести себя в лесу животное с другой планеты. Что же. В чем-то он был прав. Но иногда мне хотелось набить Сенею морду. Я не раз представлял, как это делаю. Он, похоже, об этом догадывался и начал меня избегать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.